

О.Б. Иванов, Я. Ильински

ГОРОД КАК КОНФЛИКТ

Учебное пособие

RU
science
RU-SCIENCE.COM
Москва
2021

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.37я73
И18

И18 **Иванов, Олег Борисович.** Город как конфликт : учебное пособие / О.Б. Иванов, Я. Ильински. — Москва : РУСАЙНС, 2021. — 102 с.

ISBN 978-5-4365-5208-8

В работе дается широкая панорама современных научных и повседневных представлений о конфликтах вообще и городских конфликтах в частности. Анализируются различные аспекты возникновения, эскалации и разрешения конфликтов, в том числе с помощью медиации. На примерах реальных конфликтов авторы демонстрируют пути их решения, наиболее характерные черты, в том числе и те, что возникли в новой информационной реальности. Подробно рассматривается собственно медиация городских конфликтов, ее плюсы и минусы, законодательство, посвященное этому кругу проблем. Дается представление о методах и техниках практической работы медиаторов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Ключевые слова: конфликты, городские конфликты, градостроительные конфликты, медиация, публичные слушания, локальные сетевые сообщества, активизм.

УДК 159.923(075.8)
ББК 88.37я73

ISBN 978-5-4365-5208-8

© Иванов О.Б.,
Ильински Я., 2021
© ООО «РУСАЙНС», 2021

Содержание

От автора	5
Введение.....	6
Что такое конфликт?.....	6
I КОНФЛИКТЫ	9
Какими бывают конфликты	9
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Право на город	11
Стадии конфликта.....	14
Городской конфликт, его структура и участники	16
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Музей сибирского панка	17
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Коллаборативное и критическое планирование.	
Стадион на территории парка	19
Стороны конфликта	21
ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Феномен NIMBY	24
YIMBY против NIMBY	25
ПРИЛОЖЕНИЕ V. Нейтрализация городских конфликтов	28
Условия протекания конфликта	32
ПРИЛОЖЕНИЕ VI. Первый градостроительный конфликт	
в России.....	33
II Разрешение городских конфликтов.....	34
ПРИЛОЖЕНИЕ VII. Храмы против скверов: Екатеринбург,	
Торфянка и другие.....	37
ПРИЛОЖЕНИЕ VIII. Противостояние вокруг гостиниц в Коньково и	
Теплом Стане	41
Возможные действия участников конфликта.....	43
ПРИЛОЖЕНИЕ IX. От «Охта-центра» к «Лахта-центру»	44
Исходы конфликтных действий	45
ПРИЛОЖЕНИЕ X. «Берег столицы».....	48
Изъятие недвижимости для общественных нужд.....	48
ПРИЛОЖЕНИЕ XI. Саммит АТЭС в Приморском крае.....	50
Инфраструктурные конфликты/ Конфликты в сфере ЖКХ.....	53

ПРИЛОЖЕНИЕ XII. Платформа «Активный гражданин»	54
Городские конфликты, связанные с предпринимательской деятельностью	57
ПРИЛОЖЕНИЕ XIII. Запрет на размещение мини-гостиниц и хостелах в жилых домах	59
Борьба за сохранение культурного наследия	60
ПРИЛОЖЕНИЕ XIV. Снос домов в Палашевском переулке	61
ПРИЛОЖЕНИЕ XV. Обрушение СКК в Санкт-Петербурге	62
От городского конфликта к гражданскому	64
ПРИЛОЖЕНИЕ XVI. Улица Рубинштейна против баров и вечеринок	66
Экологические конфликты.....	67
Мусорные протесты.....	68
ПРИЛОЖЕНИЕ XVII. Шлес	70
III. Медиация городских конфликтов Публичные слушания	71
ПРИЛОЖЕНИЕ XVIII. «МортонГрад»	73
Профилактика ГК	74
Отражение городских конфликтов в социальных сетях и их профилактика	76
ПРИЛОЖЕНИЕ XIX. Дом Басевича	82
Прогнозирование ГК	84
Правовые основания медиации	86
ПРИЛОЖЕНИЕ XX. «Ночлежка» на Беговой	90
Техники эффективной коммуникации при медиации	91
Рекомендуемая литература	94

От автора

Современный город представляет собой средоточие самых разнообразных конфликтов и противостояний. И чем больше город, тем выше в его обществе конфликтогенность. По мере развития цивилизации, с которым мы, увы, не можем, да и не хотим ничего поделаться, количество и объективность конфликтов будут только возрастать и принимать новые формы.

Сами по себе конфликты естественны для человеческого существования, более того – они служат важнейшим катализатором движения вперед. Возникновение конфликта – является первым шагом на пути его решения, вопрос в том, насколько грамотно и безболезненно он будет решен.

Медиация является наиболее современным и гуманистическим способом удовлетворения интересов всех сторон конфликта. А в современном мегаполисе, где конфликтные ситуации могут возникать буквально на каждом шагу – от сноса хлебного киоска до строительство жилого комплекса, размером с небольшой город, ее роль многократно возрастает, от выгула собак до разрушения исторической застройки.

Помимо уже давно и широко известных способов самоорганизации граждан для отстаивания своих прав и решения проблем той или иной территориальной общины и возникновения на этой почве конфликтов, в последние годы появились и принципиально новые виды как разрешения конфликтов, так и их медийного сопровождения, способы влияния на их участников ради достижения заявленных целей.

И важно, чтобы горожане, включая обычных жителей, чиновников, застройщиков, бизнесменов и т.д., не только представляли себе, что медиация существует и обладали ее первоначальными навыками, но и умели ориентироваться в самих конфликтах, прогнозировать их развитие и справляться с ними, соблюдая собственные интересы, но и не ущемляя окружающих.

Поэтому мы предлагаем вашему вниманию этот небольшой путеводитель по конфликтам и способам их решения.

Введение

Что такое конфликт?

Прежде чем говорить о разрешении городских конфликтов, необходимо разобраться с самим понятием конфликта¹, с тем, чем он является в теории и в повседневной жизни каждого человека и социума. Строго говоря, наша жизнь вообще представляет собой сплошной конфликт. Более того, **конфликт является имманентной обществу формой социального взаимодействия**, между субъектами, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями.

Конфликты изучаются примерно в 18 отраслях научного знания. Существует даже специальная комплексная дисциплина – **конфликтология**, которая возникла на основе психологии, социологии, философии и юриспруденции. Единого понятия конфликта в научной литературе не существует. Очень много есть определений конфликта, понятия конфликта. Самое простое определение: **конфликт – это столкновение интересов**.

В нем всего лишь два слова, но именно эти два слова точно характеризуют понятие «конфликт». Первое – это **интерес**, у субъектов конфликта, конфликтных отношений должны быть разные интересы. А второе, в самом понятии тоже важный тезис – **столкновение**, эти интересы мало того, что должны быть разными, должно происходить некое активное действие. Когда происходит действие (инцидент) по столкновению этих интересов. Схематически конфликт выглядит так:

$$\begin{array}{c} \text{КОНФЛИКТ} \\ = \\ \text{конфликтная ситуация} \\ + \\ \text{инцидент} \end{array}$$

Из этой схемы можно понять, что конфликт возникает именно в тот момент, когда одна из сторон (или обе) переходят к активным действиям, вступают в столкновение.

Кроме того, так же нужно осознавать, что далеко не каждая конфликтная ситуация может перерасти в конфликт. Существуют такие

¹ **Конфликт** происходит от латинского «conflictus» - «столкновение, борьба, бой»

понятия как «протоконфликт» и «латентный конфликт» – то есть, конфликтные ситуации, когда у сторон разные интересы, разные мнения, разные цели, разные задачи, но эта конфликтная ситуация не перерастает в конфликт, потому что ни одна из сторон не переходит к каким-либо активным действиям.

Исследователи выделяют разные аспекты конфликта.

М.-А. Робер и Ф. Тильман рассматривают конфликт как «состояние потрясения, дезорганизации по отношению к предшествующему развитию и, соответственно, генератор новых структур». Анализ такого определения конфликта демонстрирует его позитивный потенциал.

Дж. Фон Нейман и О. Моргенштерн определяют конфликт как «взаимодействие двух объектов, обладающих несовместимыми целями и способами достижения этих целей». При таком подходе концептуальной чертой конфликта является целенаправленная деятельность субъектов.

В теории социального конфликта Л. Козера «конфликт – это борьба по поводу ценностей и притязаний из-за дефицита статуса, власти и средств, в которой цели противников нейтрализуются, ущемляются или элиминируются их соперниками». Позитивная функция конфликта, по мнению Козера, состоит в поддержании динамического равновесия определенной социальной системы.

У. Линкольн видел положительное воздействие конфликта в нескольких факторах. По его мнению, именно под влиянием конфликта утверждается и подтверждается определенный набор ценностей как у отдельного человека (индивида), так и у социальной группы. Помимо этого, конфликт способствует осознанию общности его участниками, поскольку в своей динамике способен выявить стремление таких субъектов к одинаковым или, во всяком случае, сопоставимым целям. Также конфликт способствует своего рода «разрядке», отодвигая на второй план или даже полностью исключая менее существенные проблемы и, таким образом, способствует расстановке объективных приоритетов. С точки зрения общественного развития и выявления общественных потребностей конфликт полезен тем, что играет роль «предохранительного клапана» для безопасного и даже конструктивного выхода эмоций, позволяет обратить внимание различных акторов (людей и групп), на недовольство или предложения, нуждающиеся во внимании или разрешении. Еще одна важная черта конфликта: он сам по себе порождает необходимость формирования правил и методов управления им. Следует сказать и об отрицательных сторонах кон-

фликта: он **объективно представляет собой угрозу интересам его субъектов, а также всей социальной системе, обеспечивающей известную стабильность.** В связи с этим любой конфликт, а особенно – конфликт неуправляемый, или управляемый неумело – приводит к подрыву доверия его участников друг к другу и разобщенности. Кроме того, конфликт может «разрастись» до такой степени, что поставит под угрозу иные интересы как отдельных субъектов, так и всего социума в целом. Поэтому мы видим задачу медиации в том, чтобы не дать конфликтной ситуации развиться в конфликт, остановить его на стадии, когда стороны еще способны к диалогу, а если уж ситуация все-таки перерастает в конфликт, то не допустить неуправляемости, путем налаживания между сторонами конструктивного диалога, выяснив их реальные интересы и ценности в каждой конкретной ситуации.

Для успешного взаимодействия с конфликтующими сторонами важно знать и понимать не только локальную конфликтную ситуацию, но и знать принципы, по которым устроен конфликт в целом.

I. КОНФЛИКТЫ

Какими бывают конфликты

Исследователи выделяют несколько типов конфликтов: внутриличностные, межличностные, межгрупповые, социальные, экологические, бизнес-конфликты, межгосударственные и другие. Отметим, что **городские конфликты** в первую очередь относятся к социальным и остановимся на каждом из типов конфликтов чуть подробнее.

Внутриличностный конфликт – состояние, в котором у человека есть противоречивые и взаимоисключающие мотивы, ценности и цели, с которыми он в данный момент не может справиться, не может выработать приоритеты поведения, выйти из так называемой «зоны комфорта».

Межличностный конфликт является, возможно, самым распространенным типом конфликта – это противостояние и столкновение индивидов в ходе взаимодействия друг с другом. Причем конфронтация эта может возникать в самых разных сферах жизни: экономической, политической, производственной, бытовой и т.д. Особенность межличностного конфликта заключается в том, что его субъекты противостоят друг другу, между ними происходит открытое столкновение. В таких конфликтах важную роль играет личное восприятие оппонента. Более того, каждый из участников такого типа конфликта может представлять не только собственные интересы, но и интересы некой третьей стороны.

В **межгрупповых** конфликтах участвуют различные группы – социальные, территориальные, профессиональные и т.д. В этих конфликтах отстаиваются интересы, значимые как для определенной группы, так и для общества в целом. В **социальных** конфликтах одной из сторон является само общество.

В **экологических** конфликтах предметом спора являются проблемы окружающей среды. Такие конфликты могут быть как межличностными, происходящими на бытовом уровне («не сжигайте свой мусор возле наших грядок», «не курите в квартире»), так и **межгосударственными** (строительство АЭС, борьба с вредными выбросами и т.д.).

Бизнес-конфликты, т.е. конфликты между компаниями. **Семейные** конфликты мы здесь подробно рассматривать не будем.

Городские конфликты (ГК) относятся прежде всего к социальным конфликтам, но могут сочетать в себе и межгрупповую, и экологическую, и бизнес-составляющие.

ГК делятся на градостроительные конфликты; конфликты в сфере ЖКХ; конфликты по поводу городской инфраструктуры, а также конфликты, имеющие сугубо символическую составляющую – например, принятое в 2017 г. решение тогдашнего губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко о передаче Исаакиевского собора Русской православной церкви, вызвавшее среди горожан не только бурную дискуссию, но и приведшее к разнообразным акциям протеста недовольных этим решением, и крестные ходы его сторонников.

Городской конфликт – это по большому счету столкновение интересов жителей («пользователей») города по поводу городского пространства, которые получают внешнее проявление.

В последние годы в городских конфликтах очень часто встречаются ссылки на так называемое «право на город». Урбанисты и участники ГК настолько свыклись с этим термином, что употребляют его в своей речи как юридическое право, в то время как «право на город» является в первую очередь феноменально удачным слоганом для любой городской кампании – от защиты прав различных меньшинств и сохранности архитектурной среды до захвата пустующих зданий для жилья и арт-пространств (сквотов) или создания парковок во дворах и размещения малых архитектурных форм (например, ларьков с продуктами и сигаретами), в местах, удобных жителям, но раздражающим городские власти. Что же такое «право на город» на самом деле?

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Право на город

Концепцию «право на город» в 1968 г. предложил французский социолог и теоретик марксизма Анри Лефевр в своей одноименной работе (Lefebvre H. *Le droit a la ville* // Collection Societe et Urbanisme. – Paris, Anthropos, 1968). Используя марксистскую методологию он создавал новые модели существования представителей рабочего класса в больших городах. Для упрощенного понимания концепции Лефевра важно знать, что он разделяет «город» и «городское» (city, la ville и urban, l'urbain): физическую реальность, материализованную в архитектуре и социальную реальность, созданную людьми, которые все это воспринимают. По его мнению, *городское* должно быть осмыслено по-новому, поскольку чувствовать его мы не можем, оно виртуально.

В силу пространственных практик (повседневная жизнь, передвижения и т.д.) на некий набор физических объектов наслаивается восприятие того, что люди обжили и к чему привязаны (площадка у дома, школа, парк, церковь и пр.). Их состав непостоянен и меняется вслед за восприятием. Это эмоция, которая интериоризируется, т.е. вращивается во внутренние структуры психики в качестве опыта.

Отсюда Лефевр выводит и определение городской среды: «мой» дом, двор, район, наконец, **город, на который я имею право**, – не физический объект или совокупность таковых. Это – проецирование меня на земную поверхность; то, что ощущается как своё в результате использования и взаимодействия с другими.

Право на город в данном контексте тождественно праву на «городскую жизнь» (*urban life*): на социальную составляющую нахождения в пространстве; право изменять реальность, преобразовывая город; «на моменты и места», т.е. на полноценное использование своего времени в любых городских зонах; право вмешиваться и требовать. Оно поощряет жителей собираться для обсуждений, чтобы влиять на политику, оспаривать решения о судьбе территорий и самим принимать их. Лефевр подчеркивает, что такой город не рождается сам по себе. Должны быть те, кто неравнодушен, кого волнует происходящее вокруг. Ни архитектор, ни мэр, ни урбанист не создадут социальные отношения. Они лишь помогают (вредят) формам взаимодействия либо условиям, в которых практики могли бы укорениться. Но главное житель должен проделать сам и без него обновленный город – *urban* – не состоится. Человек не должен просто находиться в городе, лишь занимая его площадь и перемещаясь от одного объекта к другому. Нельзя безразлично относиться к среде и притворяться, что тебя ничего не

касается, пассивно смиряясь с заранее установленными рамками. Нужно *обитать* (*inhabit, habitier*), символически присваивая себе пространство вокруг и проявлять активность, пускай и небольшую.

Однако несмотря на то что урбанисты и различные участники городских конфликтов постоянно апеллируют к «праву на город» как к юридическому праву – будто горожане участвуют в принятии решений, связанных с городским пространством, в силу закона. Как говорит Дэвид Харви, право на изменение города – это не абстрактное, а *неотчуждаемое* право, которое укреплено в повседневных практиках вне зависимости от того, знаем мы о его наличии или нет.

Как правило, эта концепция не поддерживается законодательством и судом. И здесь существует конфликтогенный диссонанс между надеждами и отчаяниями горожан, буквально, а не философски воспринявших лозунг о праве на город и органами власти, не понимающими, о чем идет речь.

Единственная страна в мире, где право на город закреплено на законодательном уровне, – Бразилия. Этот закон носит социальный характер, но, опять же, не содержит четкого определения права на город, а определяет его через сумму различных идей.

Бразильский закон содержит огромное количество норм-деклараций и возлагает реализацию своих положений на муниципалитеты. Это приводит к тому, что во многих случаях закон просто игнорируют. Кроме того, осуществление «права на город» требует дополнительных расходов, а муниципалитетам брать эти деньги неоткуда. При этом федеральные органы и не спешат выделять необходимое финансирование, опасаясь укрепления авторитета и независимости муниципалитетов, да и вообще пытаются препятствовать претворению закона в жизнь.

Пример Бразилии демонстрирует, что право на город **нуждается в регламентации**. Причем желательно, чтобы это были не рекомендательные документы, а непреложный закон. Довольно популярной в этом контексте является «Всемирная хартия о праве на город» (World Charter for the Right to the City), принятая на международном форуме в 2004 г. Однако она носит информационный характер и не влияет на национальные законодательства.

Интерес для исследователей представляет концепция **корпоративного права на город**:

«Корпорация приобретает наряду с горожанами, свое «право на город» и может воздействовать из своей логики и корпоративных интересов на очень многие аспекты городского развития... Сутью корпоративной городской политики является *организация городской среды*

в интересах корпорации. Она включает в себя: систему профилактики негативных настроений горожан как по отношению к предприятию, так и городскому развитию; требования корпорации к городской среде, системе образования и жизнеобеспечению» (Корпоративная городская политика, от социальной ответственности к социальным партнерствам в городах присутствия. См. также: Журавлев С. Корпоративное право на город //BRICS Business Magazine. http://bricsmagazine.com/ru/articles/26_skolkovo_ru).

В последнее время стали появляться предложения корпораций – публичные конкурсы по выбору размещения будущих офисов. Населенные пункты, по задумке, должны конкурировать друг с другом, предлагая фирме лучшие условия. Например, в сентябре 2017 г. крупнейший интернет-ритейлер Amazon анонсировал открытие второго корпоративного центра на 50 тыс. сотрудников. Конкретное место будет выбрано по итогам отбора городов с населением более 1 млн. чел. При этом Amazon предпочитает, чтобы город предоставил корпорации разнообразные льготы по налогам и сборам, гранты, изменения в законодательстве, упрощенный порядок выдачи разрешений и пр. Взамен корпорация обещает инвестировать несколько десятков миллиардов долларов, что даст локальной экономике 1,4 доллара на каждый вложенный.

Понятно, что при таком раскладе корпорация и дальше будет требовать к себе особого отношения, вплоть до признания за ней специальных прав на городское пространство.

Итак, город – это не просто совокупность физических объектов. Город – это сложная структура. И хотя левефровская концепция «права на город» скорее социологическая, чем урбанистическая и уж тем более юридическая, она ясно дает понять, что городское пространство представляет собой не только архитектуру, инфраструктуру и т.д., но и сложнейшую систему социальных связей, поэтому город нельзя планировать только на бумаге, в первую очередь нужно интересоваться тем, как грядущие изменения воспринимают люди, как они видят себя в этом пространстве. «Право на город» декларирует параметры взаимодействия власти, горожан, гражданского общества, застройщиков, градостроителей, архитекторов по поводу развития города.

В нашей стране «право на город» никак не закреплено юридически (за небольшим исключением нормативных актов), косвенно эта социологическая, отчасти философская концепция начинает преобладать. По крайней мере, она чрезвычайно важна для разрешения городских конфликтов разной направленности и интенсивности.

Стадии конфликта

Как и любой другой конфликт, городской конфликт имеет несколько стадий.

Конфликтная ситуация – период, когда само противостояние еще не началось, но уже существует столкновение неких интересов, приводящее к напряженности. В это время акторы (люди, организации и т.д), чьи интересы затронуты, начинают искать способы и каналы коммуникации со своими противниками для того, чтобы эту ситуацию разрешить. Если им удается выбрать адекватный поставленной задаче канал коммуникации, и у них получается договориться, то конфликта не возникает. Однако, если договориться не удастся, а противостояние нарастает, и участники конфликта переходят от слов к действиям, то конфликтная ситуация превращается в полноценный конфликт. Важно понимать, что любые конфликтные действия также являются поиском канала коммуникации. Тут уместно вспомнить разнообразной направленности митинги «рассерженных горожан», которые выходят на улицу под лозунгом «Просто покажем, что мы есть». Такая декларация может сообщать власти и обществу о недовольстве граждан чем угодно – цели могут быть как расплывчатыми вроде международной политики государства, так и сугубо локальными вроде повышения тарифов на проезд в общественном транспорте. В данном случае важен сам факт демонстрации недовольства, ведь если есть те, кто недоволен, значит, их мнение тоже нужно учитывать и как-то с ними договариваться. В случае же, когда демонстрация недовольства не срабатывает и мнение протестующих никто учитывать не собирается, конфликтная ситуация переходит в следующую стадию – собственно **конфликт**.

Итак, любые действия в начале конфликта – это всегда поиск коммуникаций. Люди хотят поговорить, договориться, чтобы их позиции услышали, чтобы их интересы были поняты и приняты. Когда мы видим митинги в контекстах городских конфликтов – это тоже всегда поиск коммуникации.

Важно отметить, что на этой стадии конфликта ситуация не статична.

Конфликтное взаимодействие может быть похоже на кардиограмму. Конфликт может набирать обороты, эскалироваться, может быть сбалансированное противостояние. На этой стадии стороны выбирают стратегии поведения в этом конфликте, ищут союзников для усиления своих ресурсов в конфликте.

Но существуют разные стратегии поведения в конфликте. Бывает, что очень часто органы власти применяют такую тактику *избега-*

ния – они уходят от конфликта и говорят: «У нас вообще конфликтов нет и все нормально». Это тормозит возможное разрешение конфликта задерживает на этой стадии, потому что если мы говорим, если противостояния нет – это вовсе не значит, что его нет.

На этой стадии конфликт развивается волнообразно и в конце концов он начинает закручиваться, как по спирали, и доходит до такой степени эскалации, когда война уже идет не на жизнь, а на смерть, а сами стороны уже потерпели такие убытки – ущерб эмоциональный, моральный, физический, материальный, какой угодно – что выйти в коммуникацию, договориться они уже не могут. Их уровень недоверия друг другу, обиды, злость и полная неготовность к переговорам требуют серьезного отката ситуации назад, чтобы снять напряжение у ее участников.

Известный американский конфликтолог Кеннет Томас выделяет 5 моделей поведения в конфликтах:

Соревнование (конкуренция) – стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому.

Приспособление – умышленное принесение в жертву собственных интересов ради другого. Эта модель поведения антагонистична соревновательной.

Компромисс – соглашение на основе взаимных уступок; предложение варианта, временно снимающего возникшее противоречие.

Избегание – поведение, для которого характерно как отсутствие стремления к взаимодействию, так и отсутствие стремления к достижению собственных целей.

Сотрудничество – поиск альтернативы и достижение консенсуса, полностью удовлетворяющего интересы всех сторон-участников конфликта.

Важно понимать, что для того, чтобы конфликт был разрешен, стороны должны иметь равный вес. Трудно договариваться, когда одна сторона имеет много возможностей, а другая не имеет ничего. Позиции неравны для переговоров, поэтому стороны стараются привлечь все возможные ресурсы.

Следующая стадия – это **завершение** конфликта. Он может быть разрешен с учетом интересов сторон, когда все стороны удовлетворены, когда есть ощущение справедливости, и это хороший вариант, все выйдут победителями. Но бывает так, что конфликт не разрешен в полном смысле этого слова, а завершён. Зачастую те стороны, которые обладают

силовым, административным ресурсом, разрушают конфликт, разрушают его структуру, воздействуют на противную группу.

И тогда конфликт получается, уже вроде как бы не существует, но, тем не менее, ничто никуда не исчезает. Эта энергия конфликта, эта напряженность остается и часто может выливаться в новые мелкие конфликты, которые на первый взгляд вообще никак не связаны с историей того противостояния. Когда конфликт завершается, наступает стадия **постконфликта** – это то, что формирует дальнейшую жизнь его участников.

Городской конфликт, его структура и участники

Городские конфликты можно условно разделить на:

- градостроительные;
- инфраструктурные;
- экологические;
- символические.

Градостроительные связаны непосредственно с архитектурными изменениями в городе. Причем недовольны граждане могут быть как тем, что построят, так и самим процессом строительства, так и возникающими при этом неудобствами.

Инфраструктурные конфликты возникают, когда какие-то изменения в городском хозяйстве – от переноса парковок и дорожных знаков до тарифов на те же самые парковки или услуги ЖКХ, закрытие важных для жителей объектов – поликлиник, детских садов, школ – или наоборот, открытие объектов нежелательных для горожан вроде общежития для мигрантов или банно-прачечного комбината для бездомных.

Экологические конфликты связаны с представлением жителей о неблагоприятном изменении окружающей среды вследствие тех или иных архитектурных или инфраструктурных изменений – вредные выбросы, строительство опасных объектов вроде мусороперерабатывающих производств и т.д.

Символические конфликты касаются так называемой «зоны комфорта» жителей – культовые в локальном или городском масштабе кафе, скверы, особенные места встреч и прогулок, а также сноса реальных или почитаемых жителями таковыми памятников истории и культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Музей сибирского панка

Уже не первый год общественность Новосибирска защищает от сноса дом, в котором жила певица Янка Дягилева. Одноэтажному деревянному домику, расположенному в районе новостроек, много лет угрожает снос. Да и само по себе строение находится в плачевном состоянии. Тем не менее в 2014 г. на частные пожертвования на доме была установлена мемориальная доска, а общественность требует от властей признания этого дома историко-культурной ценностью – он давно уже стал местом паломничества поклонников сибирского панка. Однако власти не спешат признавать дом на улице Ядринцевской культурной ценностью. Комиссия мэрии отказала активистам, мотивировав свое решение тем, что «Дягилева была начинающей рок-певицей, известной только в специфической социальной среде». Кроме того, чиновники считают, что этот дом рано или поздно все равно будет снесен, поскольку снос всех деревянных домов в этом районе предусмотрен планом развития города.

Активисты же настаивают на создании в доме Янки Дягилевой Музея сибирского панка. По словам краеведа, сотрудника Музея Новосибирска Константина Голодяева, весь квартал: Ядринцевская улица – улица семьи Шамшиных – Потанинская улица был предназначен под снос еще 2013 г. «Тогда в первый раз поднимался вопрос о спасении этого дома и установке мемориальной таблички. Основным ответом было то, что дому осталось жить всего ничего, он уже практически снесен. Но через год тем не менее мэр Новосибирска разрешил повесить эту табличку. Первое, что нужно сделать, это обратиться в управление градостроительства с просьбой однозначно прояснить судьбу этого квартала: какие на него планы и в какой перспективе. А потом уже говорить о том, можно ли этот дом подо что-то еще переоборудовать или нет», – считает Голодяев.

Судьба дома Янки Дягилевой, как и Музея сибирского панка, не решена и в 2019 г. Переговоры активистов и властей продолжаются, а дом продолжает разрушаться (<https://takiedela.ru/news/2017/10/19/yankin-dom/>).

Важно понимать, что зачастую ГК сочетают в себе все эти признаки. Например, строительство новой транспортной развязки может раздражать жителей и неудобствами во время строительных работ, и изменением привычной инфраструктуры, и повышением уровня шума

и загазованности, и изменением комфортной среды – уничтожение привычных магазинчиков, кафе, скверов и т.д.

В следующем разделе, посвященном разрешению ГК, мы рассмотрим и другие возможные типологизации конфликтов.

В своей работе «Разрешение городских конфликтов» российский конфликтолог Иван Медведев определяет городской конфликт как спор в отношении пространства, возникающий из-за создания нового объекта, реконструкции, разрушения, видоизменения и тому подобного воздействия на место обитания. Причем причины возникновения ГК не ограничиваются только градостроительством и землей. Предметом ГК также могут быть вооруженные, этнические и иные конфликты (между «старыми» и «вновь прибывшими» резидентами, мигрантами и пр.).

Выделяются три базовые группы пользователей города, чьи интересы сталкиваются: жители, органы власти, застройщики. Наиболее активные горожане защищают свой уклад жизни, экономические интересы (стоимость недвижимости) и благоприятную среду обитания. Застройщик заботится о максимизации прибыли. Органы власти в теории обязаны защищать общественный интерес, радеть о городе и его жителях в целом и обеспечивать его финансовое процветание. И. Медведев. Разрешение городских конфликтов // «Инфотопик медиа» // М. 2017, с. 1–2.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Коллаборативное и критическое планирование. Стадион на территории парка

Современная теория предлагает осмысливать и разрешать ГК по двум направлениям – *коллаборативному планированию* и *критическому планированию*.

Сторонники коллаборативного планирования (от англ. collaborative – совместный, общий), такие как Пэтси Хили, Джон Форестер, Нил Харрис и др., исходят из того, что конфликтность естественна и присуща городскому пространству в силу большой плотности. Город – территория сложных взаимоотношений и взаимодействий различных субъектов и вследствие этого содержит конфликт в себе. У живущих рядом людей, хотя они и являются соседями, разные взгляды, происхождение, воспитание и т.д. Встречаются чужаки, в результате чего при первом значимом контакте возникают противоречия. Однако ничего страшного в этом сторонники коллаборативного подхода не видят: путем переговоров люди способны прийти к устраивающему всех решению.

В коллаборативном планировании ГК считается нормой, а не проблемой или угрозой социальному порядку. А негатив связан исключительно с безграмотными, непрофессиональными способами разрешения ГК.

Критическое планирование (critical planning) демонстрирует совсем иные способы понимания ГК и вообще городского пространства. Сторонники этого подхода (Дэвид Харви, Мануэль Кастельс, Марк Перселл и др.) толкуют городское пространство в неомарксистском ключе. Проблема видится им не в разнообразии города и его жителей, а в самой структуре капитализма, основанного на эксплуатации большинства меньшинством. По их мнению, все городские ресурсы принадлежат элите, а уязвимые социальные группы маргинализируются и выдавливаются в гетто. Ну а конфликт возникает, когда человек осознает, какая социальная и пространственная несправедливость с ним творится. И мобилизует собратьев по несчастью на борьбу за свои интересы.

В коллаборативном планировании конфликт разрешается коллаборативно. К компромиссу пытаются прийти на любом уровне: форумы, референдумы, обсуждения и пр. Спор нужно втиснуть в совместную активность власти и жителей, но сохранить эту активность в рамках закона. Стороны должны выработать решение в правовом поле.

Основные плюсы коллаборативного планирования:

- недовольство формализовано в рамках институтов, т.е. есть где и кому его высказать;
- существуют механизмы вовлечения в диалог стейкхолдеров и экспертов;
- опыт компромисса накапливается и сводит на нет насилие, поскольку горожане научаются и привыкают формулировать не лозунги, а предложения.

В настоящее время в России, как и в мире, коллаборативная модель разрешения конфликтов является господствующей и единственной дозволяемой.

В критическом планировании методы коллаборации считаются неприемлемыми. Противники этого подхода задаются вопросом: можно ли в принципе заниматься коллаборативным планированием в неколлаборативном мире? Компромисс не решает проблемы, поскольку на экономически сильных субъектах или власти управы все равно не найти. Публичные слушания и другие способы обсуждения являются инструментами манипуляции, с помощью которых элиты узаконивают проводимую ими политику. Коллаборация представляется им лицемерием, она лишь маскирует противоречия и отвлекает от них. Нужно строить принципиально новый город, по-другому организовывать его и иначе смотреть на городскую жизнь, где капитализм больше не является принципом структурирования пространства, а нужды общества удовлетворяет сам город.

Таким образом разрешение конфликта может произойти только с посредством реального перераспределения властных полномочий и схем управления городским хозяйством.

Рассмотрим с точки зрения коллаборативного и критического подходов историю конфликта вокруг строительства стадиона на улице Лодочная в Москве.

Стадион предполагалось построить на территории парка, что вызвало немалое возмущение местных жителей. По словам очевидцев, 3 октября 2016 г. на территорию приехали лесорубы, частное охранное предприятие и спортсмены. Они оцепили лесополосу металлическими заграждениями, оттеснили протестовавших граждан и дали лесорубам возможность пилить деревья. Некоторые люди были избиты, однако полиция не вмешивалась.

С точки зрения коллаборативного планирования, жители обязаны были действовать в рамках правового поля: чинить помехи к началу работ они права не имеют, а должны обращаться в суд и местные орга-

ны власти. Но поскольку любое решение легитимно, пока не доказано обратное, значит, для подавления активного протеста годится насилие.

С позиции критического планирования проблема выглядит иначе: протест против строительства стадиона всего лишь частный случай протеста против всего властного контекста, в котором эта стройка стала возможной без учета и даже вопреки их мнению. Соответственно жители требуют трансформации политической системы, где решения об изменении пространства их обитания будут с ними согласовываться.

Стороны конфликта

Современные исследователи, специализирующиеся на градостроительных конфликтах, обычно выделяют пять категорий потенциальных заказчиков, заинтересованных в развитии конкретной урбанистической территории, и в связи с этим являющихся потенциальными субъектами градостроительных конфликтов:

- **государство:** важно понимать, что роль государства, которое выступает в градостроительных конфликтах через органы власти и чиновников, как персонализированных носителей этой власти, всегда двойка: с одной стороны, государство является ключевым центром принятия важнейших управленческих решений в области градостроительства, центром управления процессами, а с другой стороны выступает инвестором при разрешении вопросов создания новых и модернизации существующих объектов социальной, транспортной и иной общественно значимой инфраструктуры;

- **частные инвесторы:** основным конфликтогенным фактором в этой ситуации выступает желание инвесторов максимизировать прибыль от реализации конкретного градостроительного проекта, которое априорно входит в конфликт с желаниями иных участников конфликта, оперирующих другими ценностями;

- **профессиональные сообщества:** представители профессиональной элиты, эксперты в области дизайна, архитектуры и градостроительства, охраны памятников архитектуры, экологии. Эта категория субъектов достаточно атомизирована и, не только не организована, но различные субъекты, входящие в нее, зачастую могут обслуживать разнонаправленные интересы сторон одного и того же конфликта, причем такая позиция совершенно необязательно может быть вызвана чисто субъективными или коррупционными факторами;

- **городская власть:** необходимо разделять интересы государства как носителя высшей власти и местную, городскую власть, инте-

рессы которой в конкретном градостроительном конфликте могут совершенно не совпадать;

– **локальное сообщество, местные жители:** эта категория субъектов в градостроительных конфликтах занимает, как правило, максимально консервативную позицию, активно возражая против любых изменений городской среды и, в то же время, является активной стороной в любом современном городском конфликте.

Схема взаимодействия субъектов градостроительного процесса

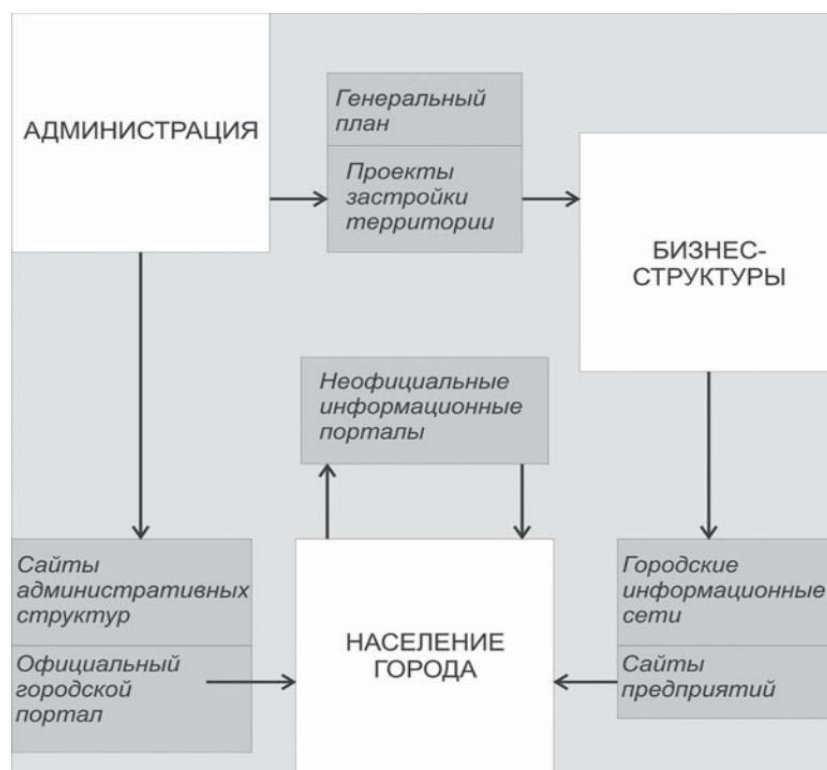

Рисунок 1. Взаимодействие субъектов архитектурно-градостроительного процесса

Конфликты в современном городе зачастую носят локально-территориальный характер. Иными словами, большая часть местного городского сообщества (особенно если речь идет о масштабах мегаполиса) вообще никак не затрагивается конкретным ГК, не вовлечена

в него. Как правило, такая часть сообщества ограничивается наблюдением и не предпринимает никаких действий в поддержку ни одной из сторон (хотя качественно ее интересы и векторы, как целого, безусловно совпадают с интересами и векторами той ее части, которая активно участвует в градостроительном конфликте). Это обстоятельство важно отметить, поскольку его можно трактовать как одну из частых форм скрытого конфликта. Так, например, большей части локального сообщества (в силу целого комплекса объективных и субъективных причин) неинтересны такие понятия, как Генеральный план развития города (или части его территории), Правила землепользования и застройки, градостроительные нормативы и т.п., хотя эти понятия самым непосредственным образом связаны с градостроительным конфликтом. То есть, не имея возможности оперировать этими категориями с достаточной степенью профессионализма, местное сообщество (а ведь именно оно испытывает на себе основные негативные последствия, с этим конфликтом связанные) не имеет и возможности понять истинные причины градостроительного конфликта и, следовательно, четко сформулировать и защитить свои интересы. Иными словами, конкретный пользователь городской среды объективно не имеет четкого представления о том, чем именно он пользуется. Логично предположить, что, в таком случае, его собственное отношение к окружающей его среде не может быть объективно позитивным и, следовательно, будет скорее латентно негативным.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Феномен NIMBY

В зарубежной литературе возражения против строительства рядом с территорией проживания нередко именуется **феноменом NIMBY** (Not In My Backyard, «не в моем дворе»); реже LULU (Locally Unwanted Land Uses, «нежелательный для данной местности вид землепользования»).

Первое упоминание акронима NIMBY приписывается журналистке Эмили Лайвзи в статье о токсичных химических отходах (1980), а акроним LULU ввел в оборот Фрэнк Поппер. *Livezey E.T. Hazardous waste//The Christian Science Monitor.1980. November 6. <http://www.csmonitor.com/1980/1106/110653.html>; Popper F.J. The environmentalist and the LULU// Environment.1985. Vol.27 (1). P.7–11, 37–40.* Цит. По Медведев И. «Разрешение городских конфликтов», с.6. Разумеется, подобные конфликты, хотя и без соответствующих названий возникали всегда. Любое строительство, если оно не несет жителю близлежащей территории выгоды, создает разного характера неудобства и воспринимается в штыки. В 19 в. люди не хотели скотобоев, таверн, кабаков и вредных производств, сегодня к ним добавились стадионы, ядерные могильники, приюты для бездомных и т.д.

Гарвардская энциклопедия определяет NIMBY как местный конфликт, в котором жители полагают, что принятое решение о строительстве объекта или ином использовании территории негативно повлияет на их жизнь. *Lake R.W. Locational Conflict (NIMBY) International Encyclopedia of the Social & Behavior Sciences. 2001. P.9019. <https://ru.scribd.com/document/12496390/Locational-Conflict-NIMBY>.*

Они считают подобное изменение пространства потенциально опасным, вредным, позорным или нежелательным по любым причинам (психиатрические больницы, тюрьмы, кладбища и т.д.).

И хотя Гарвардская энциклопедия рассматривает NIMBY вполне в нейтральном ключе, в урбанистике и СМИ закрепилось употребление этого акронима с негативным окрасом – «синдром НИМБИ», «НИМБИсты». Жителя представляют неадекватным ретроградом и себялюбцем, эмоционально и безосновательно возражающим против всего. Известный специалист по транспорту Вукан Вучик писал: «В своем худшем виде синдром НИМБИ был проявлением эгоистичного лицемерия – люди хотели получить новые возможности, но требовали, чтобы негативные последствия новшеств ложились на других. Во всех случаях речь идет о местных интересах, противостоящих общим целям проекта».

YIMBY против NIMBY

Неологизм YIMBY (Yes In My Backyard; «Да, в моем дворе!») появился, когда пиарщики и маркетологи различных градостроительных компаний осмыслили его потенциал в рамках создания фиктивной поддержки градостроительных инициатив. Создано это опять же полуживое движение в противовес NIMBY, которых «джимбисты» обвиняют в противостоянии всему новому, важному для жителей современного мегаполиса, а также в элементарном эгоизме – нежелании терять поделить своим комфортом часть собственного материального блага ради общегородских целей – например, YIMBY всячески высмеивают собственников жилья, которые не хотят лишиться привычного вида из окна, умалчивая при этом, что «вид из окна» влияет на стоимость жилья, а разницу собственникам никто компенсировать не собирается. Вместо этого сайты YIMBY демонстрируют идеальные виды высокотехнологичных городов, где всем удобно. Объединения и кампании YIMBY нельзя рассматривать как общественные движения, очевидно, что их деятельность является сугубо коммерческой и происходит как часть пиара той или иной градостроительной инициативы. Представители местных сообществ не поддерживают YIMBY, справедливо считая их лоббистами капиталистических принципов эксплуатации городской среды.

Особенностью городских (градостроительных) конфликтов современной России является то обстоятельство, что их сторонами почти всегда выступают организованные группы. Связано это в том числе и с тем, что идеальная схема взаимодействия подразумевает непосредственную связь каждого с каждым. Однако с технологической точки зрения, учитывая масштабы градостроительной деятельности, такая система едва ли возможна на практике и, даже если могли бы быть реализована, скорее всего обладала бы отрицательной эффективностью. В связи с этим возникает проблема создания надежных коммуникационных связей, которые бы обеспечили устойчивость участников, входящих в эти организованные группы.

Ну а поскольку в современной России отсутствует легитимный институт цивилизованного диалога между различными участниками градостроительного процесса и общественностью (диалога как до стадии возникновения конфликта, так и уже «внутри» конфликта), ситуации вокруг ГК обостряются, как правило, в геометрической прогрессии: каждая сторона отстаивает исключительно собственные интересы и ценности, никак не реагируя на интересы и ценности других сторон

и, таким образом, платформа для формирования общественного согласия просто не может быть сформирована.

Городские власти, например, обычно рассматривают урбанизированные территории в качестве ресурса для дальнейшего развития, привлечения новых инвестиций, улучшения имиджа, приобретения новых нематериальных смыслов и ценностей общегородского и регионального (или национального) значения. **Предпринимательское сообщество** (бизнес) при этом оценивает территорию исключительно с позиции извлечения личной (корпоративной) прибыли. **Местное сообщество** относится к территории, как к месту своего ежедневного обитания, отдыха, как к месту, наделенному целым комплексом нематериальных смыслов, имеющих, как правило, существенное значение только для окрестных жителей и, зачастую, не распространяющееся за пределы квартала. Попытка реализовать ту или иную градостроительную инициативу «сверху» почти всегда сталкивается с тем, что на стадии осмысления идеи интересы местного сообщества, ценности и привычки простых людей, сформировавших на данной территории относительно удобную в их понимании среду, уже проигнорированы. Естественно, что горожане, адекватно отвечают на внешнюю угрозу своим территориям, коллективно возражая против предлагаемых трансформаций, даже если таковые носят объективный характер. При этом наиболее активная часть местного сообщества стихийно объединяется, демонстрируя способность к самоорганизации. Таким образом формируются не только имеющие относительно короткую социальную жизнь инициативные группы различного масштаба, но и движения общегородского характера, активно влияющие на формирование общегородской проблемной повестки, в том числе и вне пределов поля конфликта, организационно породившего их.

Помимо непосредственных участников ГК, исследователи нередко выделяют так называемые «группы поддержки». К ним относятся те участники конфликтной ситуации, чьи интересы рассматриваемым градостроительным конфликтом затронуты в незначительной степени, либо не затронуты вовсе. Вот, например, что об этом пишет один из самых авторитетных российских специалистов в сфере градостроительных конфликтов Л.Н. Цой: *«В последнее время все чаще градостроительный конфликт – это отголоски конфликтов между инвесторами по поводу земли. Здесь пускаются в ход СМИ, пропаганда, начинается информационная война, которая побуждает жителей выходить на улицы, протестовать, выступать против строительства. Если 10 лет назад действительно были конфликты между*

строителями, инвесторами и жителями, сегодня уже протесты жителей, очень часто только отголоски невидимой борьбы, иногда, политической. К тому же, в большинстве случаев рационализировать градостроительный конфликт – понять против чего, как, на каких основаниях, сколько протестует граждан – порой невозможно. Чаще всего, те, кто протестует, на деле не знают, против чего они выступают, они просто никому не верят и опасаются худшего после строительства. Был случай, когда бабушку с плакатом, которая митинговала против стройки, спрашивали: что за стройка? почему она не довольна? Ответ был неожиданный: «заплатите мне, я другой плакат возьму». К тому же мы в течение месяца делали фотографии протестующих, оказалось, что это одни и те же лица».

ПРИЛОЖЕНИЕ V. Нейтрализация городских конфликтов

Власти и предприниматели редко бывают заинтересованы в разрешении городских конфликтов – это дороже и может серьезно нарушить первоначальные планы по освоению той или иной территории. Поэтому во всем мире заинтересованные в освоении того или иного спорного пространства лица предпочитают не решать проблему путем выработки компромисса, а **нейтрализовывать** ее. В таких ситуациях власть и бизнес вынуждены тратить значительные усилия на то, чтобы протестующие жители поддерживали ее, как говорится, «добровольно и с песнями» – не добившись решения спора в свою пользу, а просто приняв решение власти как устраивающую их данность.

В этом смысле нейтрализация является противоположностью коллаборативному планированию: решение о том или ином изменении городского пространство остается неизменным, а сам конфликт растворяется в бесконечных «экспертизах», разговорах, «документах» и т.д. Модель нейтрализации требует не независимого эксперта, а специалиста по пиар-технологиям, способного убедить жителей в том, что предлагаемое изменение его привычного пространства – именно то, о чем он давно мечтал. Ну а активных протестующих власть стремится маргинализировать, объявить неким отклонением от «нормальных людей», которые рады изменениям. Большинство методов, которыми пользуются пиарщики, довольно просты и широко известны, но не становятся от этого менее действенными. В их числе **обесценивание** и самого протеста, и его участников: например, «горстка недовольных», «да там два инвалида» и т.д. – о количестве протестующих; «там собрались одни городские сумасшедшие», «всякая шушера» и т.д. – об их качестве. **Шельмование** – «да это все политические разборки», «да это не протесты, а передел района...» и т.д. Откровенная **клевета** – «да все они проплаченные!», «они денег взяли...» и т.д.

Более сложным способом убеждения жителей принять ту или иную инициатив является изменение (создание) **нарратива** – истории с заданными заранее смыслом и мессиджем. Для этого события интерпретируются под определенным – выгодным для принятия нужного решения – углом. Создаются ложные противоречия: *естественное* против *ухоженного, устаревшее* против *модернизированного*. Например, чтобы убедить жителей согласиться с постройкой нового торгового центра на пустыре, где они привыкли гулять с собаками и жарить по выходным шашлыки, жителей уверяют, что мини-маркеты, парикма-

херские, химчистки и т.д., находящиеся в шаговой доступности, куда менее удобны, полезны и профессиональны, чем супермаркет, химчистка и салон красоты, которые будут открыты в торговом центре.

Для создания нужного нарратива тут будут использоваться крайности. С одной стороны, жителям будут демонстрировать разнообразные картины запустения и опасности пустыря (собаки, нетрезвые компании, антисанитария), с другой – обещать благоустроенные места для пикников, освещение, специальные площадки для выгула животных. Одновременно будут сообщать о просроченных продуктах и некачественном алкоголе в мини-маркетах, устаревшем оборудовании в химчистке и недостаточном санитарном контроле в парикмахерской, в то время как в еще не построенном торговом центре продукты будут только высшего качества, а химчистки, парикмахерские и прачечные строго сертифицированы. Не будем вдаваться в рассуждения о том, верны или нет подобные утверждения, в данном случае речь идет не о реальном улучшении/ухудшении качества жизни в том или ином микрорайоне, а о самом способе убеждения граждан в необходимости согласиться с предлагаемыми изменениями привычного пространства.

За счет четкой риторики, специально подобранных определений, а также создания нужного информационного контекста в соцсетях, с помощью листовок и публикаций в муниципальной прессе житель должен осознать убожество своей нынешней жизни, всей душой возжелать разрушения привычной среды и инфраструктуры и принять строительство нового торгового центра «на ура». В то же время сообщать о возможных неудобствах, связанных со строительством ТЦ (шум, стройка, множество рабочих, исчезновение мест выгула собак и т.д.), возможных изменениях первоначального проекта: вместо «зоны отдыха» на пустыре – платная парковка, а также разорении и последующем закрытии мелких торгово-сервисных объектов шаговой доступности, местным жителям никто не собирается.

Задача здесь – продать жителям проект и тем самым нейтрализовать возможный конфликт, а вовсе не попробовать прийти с ними к консенсусу. И это один из важнейших признаков, которые отличают нейтрализацию конфликта от его **медиации**. Более того, сопровождают подобные конфликты вовсе не конфликтологи и медиаторы, а профессиональные пиарщики и политтехнологи. Одной из технологий «продажи проекта» является приглашение неких «экспертов по всем вопросам», задача которых состоит в первую очередь в том, чтобы постоянно доказывать жителям и активистам их некомпетентность в частных и непонимание ситуации в целом.

Уже стала хрестоматийной история, приключившаяся во время общественных слушаний в столице Канады Оттаве. В ответ на опасения жителей, что уплотнительная застройка погубит зеленые зоны и как следствие разрушит сложившееся за долгие годы сообщество, эксперт возразил, что все это ерунда, и он как специалист по планированию гораздо лучше разбирается в воздействии, которое может оказать строительство.

Также подобные «эксперты» стремятся всеми силами продемонстрировать активистам легитимность своих проектов – для этого они предъявляют множество документов, актов, экспертиз и т.д., которые могут иметь отношение к конкретному проекту, а могут и вовсе не иметь или содержать рекомендации общего характера. Задача тут – утопить жителей и активистов в море документов, запутать их, не дать возможность провести независимую альтернативную экспертизу каждого документа. Таким образом задается нарратив *научности*, любое несогласие с которым рассматривается и экспертами и общиной как доказательство некомпетентности несогласного или его желания «поумничать» вместо того, чтобы решать вопросы.

Вообще нарративов, пригодных для нейтрализации городских конфликтов – огромное количество. Иван Медведев приводит наиболее распространенные и действенные из них:

«- ревитализация пространства («вдохнем жизнь в запущенные территории»);

– развитие как фетиш, картины светлого будущего («город не может не развиваться», недопустимость противодействия прогрессу и общественному благу). Гиперболизируются достоинства бесконечного роста, как будто он сам по себе является показателем качества;

– вред тривиализируется, то есть упрощается, превращается в банальность («стройка на время, дорога навсегда»);

– креативный город как пространство творческих людей;

– эстетика глобального. Жизнь в мегаполисе – центре вселенной – насыщенная и яркая, мечта, бездна вариантов для развития и досуга, ритм большого города и т.п.» Медведев И., «Разрешение городских конфликтов», М. «Инфотропик Медиа», 2017. С. 123.

Исследователь также отмечает значение **нарратива фестивализации** для нейтрализации городских конфликтов в современной Москве. Для этого в столице России непрерывно проводятся разнообразные мероприятия культурно-зрелищного характера – концерты, гастрономические фестивали, байкер-шоу, праздники ремесел и т.д. Причем большая часть их проходит в центре или в специально обу-

строенных парках вроде «Зарядья». Таким образом городские власти стараются переключить внимание с самого города на имидж города и нейтрализовать возможные конфликты и отвлечь жителей от разницы (зачастую очень существенной) в благоустройстве городских территорий. Медведев подчеркивает: если протеста не случается, там, где он, по идее, обязательно должен произойти, то это в первую очередь свидетельствует об успешной политике нейтрализации городских конфликтов, а вовсе не об эффективном руководстве городом. И в этом смысле столица России находится вполне в русле мировых тенденций: используются иностранные теории, накоплен достаточный опыт, работает огромное количество профессионалов – юристов, пиарщиков, урбанистов, которые довольно успешно добиваются активного одобрения различных градостроительных проектов и к тому же умеют манипулировать недовольством жителей для решения собственных задач.

Зарубежные исследователи рассматривают создание фиктивной общественной поддержки тех или иных городских проектов в русле более широкого явления, получившего название «*астротёрфинг*». Название это происходит от торговой марки искусственной травы «AstroTurf» и противопоставляется общепринятому термину *grassroots* («корни травы»), обозначающему подлинные инициативы жителей. *Mix T.L., Waldo K.G. Know(ing) Your Power: Risk Society, Astroturf Campaigns, and the Battle over the Red Rock Coal-Fired Plant // The Sociological Quarterly. 2015. Volume 56, Issue 1. P. 125–151. Цит. По Медведеву И. «Разрешение городских конфликтов», М. «Инфотропик Медиа», 2017. С. 126.*

Власти и девелоперские компании делают все, чтобы исключить участие реальных горожан в обсуждении жизненно важных для них проектов. Для этого создаются специальные псевдообщественные организации, на самом деле являющиеся лоббистскими, какие-нибудь «союзы автомобилистов за экологию» (совпадения случайны), чья деятельность носит декоративный характер, но при этом подобные организации имеют устав, печати, фиктивных членов и право на проведение разнообразных экспертиз и предоставление их результатов горожанам и органам власти. Все это дает возможность создавать и использовать новые нарративы и актуализировать старые, что еще больше запутывает жителей и активистов и приводит к нейтрализации конфликта. Можно предположить, что способы нейтрализации ГК будут становиться обширнее и разнообразнее, т.е. развиваться вместе со строительной отраслью и освоением и переустройством городских территорий.

Условия протекания конфликта

Городские конфликты, как и социальные конфликты, очень чувствительны к условиям внешней среды, в которых они протекают. В связи с этим исследователям и специалистам, занимающимся изучением и разрешением конкретных ГК, существенное внимание следует уделять анализу таких параметров, как, например, **объективная востребованность реализуемого градостроительного проекта**, послужившего причиной возникновения конфликта; **социально-экономическая ситуация** в этой части города, в городе в целом, в регионе; **степень активности и сплоченности местного сообщества** и т.п.

Конфликтное поведение сторон, то есть набор их действий и взаимной реакции на действия друг друга, определяется двумя важными факторами: особенностями протекания самого конфликта и спецификой участников. Однако сами субъекты ГК воспринимают эти факторы опосредованно, пропуская сквозь призму присущих им (субъектам) идеальных образов, ценностей, понятий, связанных с конкретной ситуацией. Это необходимый элемент самоопределения, возможности субъектам сформулировать для себя представление о своей роли в конфликте, своих мотивах, ценностях, возможностях и ресурсах. Кроме того, это возможность сформулировать хотя бы субъективное отношение к противной стороне конфликта, а также к ее целям, задачам и мотивам. Образы конфликтной ситуации помогают сторонам сформулировать представление о среде его протекания, и это – последнее – имеет важное значение, поскольку именно в этой плоскости начинается поиск возможных идентичностей сторон конфликта для последующей формулировки вариантов его наиболее эффективного разрешения.

Идеальные картины конфликтной ситуации имеют для субъектов более определяющее значение, чем реальный опыт. Тем более, что в процессе социально-психического взаимодействия сторон конфликта с источниками конфликта, друг с другом, в процессе неизбежной рефлексии происходящего, соотношение реального опыта и субъективных образов существенно усложняется, они, если это можно так сформулировать, взаимопроникают друг в друга.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI. Первый градостроительный конфликт в России

Историю градостроительных конфликтов России принято отсчитывать с 1998 г., когда при строительстве развязки Третьего транспортного кольца в районе Кутузовского проспекта в Москве жители прилегающей территории вышли на акции против этого строительства.

Кутузовский проспект – представляет собой ту часть Москвы, где жили и продолжают жить советская политическая и экономическая элиты, их дети, внуки. А в 1990-е гг. этот район облюбовали так называемые «новые русские» и стали активно покупать там жилье. И тут Правительство Москвы внезапно решило строить Третье транспортное кольцо. В 1990-е гг. никаких публичных слушаний, общественных слушаний, посвященных градостроительным вопросам в принципе не предполагалось, да и вообще информации, как таковой, не было. Даже интернетом пользовались совсем немногие.

Так что жители узнали о том, что собираются строить, только когда огородили площадку для строительства и начались работы. До этого никакой информации не было. Отсутствие информации мгновенно породило самые невероятные слухи и страшилки, которые жители подхватывали и разносили дальше: «Сейчас будет строиться, а по проекту там должен быть построен подземный тоннель под Кутузовским проспектом, наши дома поплывут», и так далее.

Люди были взволнованы и стали выходить на пока еще неорганизованные митинги, но со временем стали собираться, формировать инициативные группы, писать и подписывать массовые обращения. Причем это были известные советские люди и их потомки. Они звонили в Московскую городскую думу, постоянно обращались в Кремль, в администрацию президента и так далее. Поэтому московской власти пришлось реагировать на протесты жителей, хотя для нее это тоже был совершенно новый опыт, ведь в 1990-е гг., когда стройки были в других частях Москвы, никаких выступлений жителей просто не было. У них были совершенно другие интересы – выживание в изменившихся экономических условиях, например.

Московские власти отреагировали на ситуацию неожиданно толково: они наняли конфликтологов. Группа была сформирована из специалистов из Института социологии Российской Академии наук и застройщик действительно вложил в нее определенные средства.

Группа начала работать. Жителям была предоставлена максимально полная информация об этом проекте, проведены разнообразные

экспертизы. В то же время конфликтологи объясняли людям, что этот проект не так уж страшен, как они успели нафантазировать, что у него есть и плюсы, что ущерб для жителей от проекта будет минимальным: если срубят дерево, то обязательно будет высажено другое.

Все привело к тому, что, по большому счету, этот конфликт хоть до конца и не был исчерпан, властям удалось найти с жителями компромисс. Например, с собственниками гаражей были проведены практически отдельные переговоры. Они получили другое место под свои гаражи и отошли от инициативной группы.

Несмотря на то что была инициативная группа, выступавшая категорически против – никакого строительства и все! – и были жители, которые остались недовольными, были проведены первые в истории градостроительных конфликтов в РФ переговоры между властью, застройщиком и гражданским обществом. Необходимо было найти компромисс, и он все-таки был найден. И в первую очередь этому способствовало предоставление жителям наиболее полной информации по этому проекту. Конфликтная группа из Института социологии РАН – начала работу с жителями что фактически она взяла на себя обязанности власти по информированию этого проекта и именно информация и ее разъяснения помогли выработать устраивающие жителей и власти решения. Важно понимать, что в 1998 г. не существовало ни тематических сайтов, ни общедоступного интернета, ни экспликации, ни экспозиции, ни публичных общественных слушаний, ничего подобного не было.

Позитивным результатом этой ситуации стало то, что правительство Москвы приняло необходимые нормативные акты о необходимости публичных слушаний, участия граждан в градостроительной деятельности и защите их прав. Именно после этого начался процесс участия населения в решении вопросов, связанных с градостроением. До противостояния на Кутузовском проспекте о важности работы с населением никто даже не задумывался.

II Разрешение городских конфликтов

Городские конфликты, как относительно новый для российской реальности тип социальных конфликтов, являются еще недостаточно изученными. В связи с этим вопросы их типологизации играют ключевую методологическую роль: правильно сформулированный подход к этой проблеме позволит исследователю, с одной стороны, систематизировать имеющуюся научную информацию, а с другой – сыграет важную роль в процессе получения новых знаний.

Различные дискурсы, существующие в современном российском обществе по поводу городского развития, расшифровываются через исследования культуры городской застройки. В связи с этими исследованиями обычно выделяют несколько типических вопросов, которые ставятся исследователями. Среди этих вопросов, например, следующие. Как к изменениям в городской застройке относятся разные социальные группы? Почему возможны различные точки зрения на превращение старых промышленных объектов в офисы и строительство новых бизнес и торговых центров? Насколько чувствительно городское сообщество к проявляющемуся в архитектуре конфликту между глобальным (разнообразие, креативность, изменчивость) и локально-индустриальным (традиции, крепкие социальные связи, сильная локальная идентичность)? Какова символическая значимость застройки? Какое коммуникативное воздействие она производит на горожан? Социальность архитектуры в первую очередь проявляется в ее специфической функции через создание физических пространственных границ, определяющих формы и способы коммуникации. На сегодняшний момент все большую актуальность приобретает исследование дискурсивных и концептуальных структур, формирующих власть, городской опыт, субъективность человека. Городской ландшафт может быть представлен в виде текста, репрезентирующего социальные отношения через пространство и визуальные символы. В данном случае дискурс-анализ текста городского пространства будет означать определение, что говорит городской ландшафт, какие ценности и смыслы он репрезентирует, и как его понимают члены местного сообщества.

Существует немало оснований, которые с сопоставимой степенью эффективности возможно использовать для проведения классификации современных градостроительных конфликтов. Такими основаниями могут выступать, например, источник конфликта, содержание, значимость, тип разрешения, форма выражения, социальный результат и т.п. Также вполне уместным представляется говорить о конфликтах интенсивных и стертых, кратковременных и затяжных и т.п.

По **направленности** городские конфликты являются типичными представителями **«горизонтальных» конфликтов**, то есть таких, в которых участниками являются лица, не находящиеся в прямом подчинении друг у друга.

По **характеру** причин ГК являются **объективными**. Субъективные факторы, безусловно, играют здесь свою специфическую роль, но, очевидно, только в плане воздействия на динамику развития конфликта и, отчасти, на конкретные формы конфликтных действий, избираемые его участниками.

Интересной представляется попытка классифицировать ГК **по основанию их возникновения при освоении физических (территориальных) и семантических ресурсов города**. К семантическим ресурсам города отнесена информация о его прошлом, настоящем и будущем, связанная с конкретными или виртуальными архитектурными объектами или пространствами. Отдельно взятый конфликт может развиваться сразу в двух указанных плоскостях; при этом одна сторона может быть заинтересована только в территориальной выгоде, другая – только в сохранении или развитии определенного семантического слоя, «закрепленного» за территорией. Целесообразно также разделить конфликты на **открытые – реализованные в общественно-информационных акциях**, и **скрытые – когда несогласие не выражено**.

Перспективной представляется классификация градостроительных конфликтов **по основанию стадии завершенности строительства капитального объекта**. Здесь можно выделить конфликты, возникшие до начала строительства, сопровождающие строительство, и возникшие после окончания строительства.

ГК, возникшие до начала строительства (предшествующие строительству), в последнее время возникают все чаще. Причем общераспространенное мнение, что жители выступают против возведения торговых центров, не подтверждается объективными социологическими данными и наблюдениями. Анализ протекания уже состоявшихся или еще длящихся конфликтов этой группы позволяет сделать вывод, что целевое назначение планируемого к строительству объекта вторично. Так, поводом для градостроительного конфликта может стать строительство транспортной развязки (причем объективно крайне необходимой данной территории) или иного объекта инфраструктуры, торгового центра, культового объекта или жилого комплекса. Интересно, что целевое назначение возводимого объекта, равно как и его объективная необходимость для развития (в том числе – социального), не оказывают существенного влияния не оказывают на динамику конфликта или его характер, хотя и коррелируют в некоторой степени формы конфликтной деятельности участников. В этом плане иллюстративны конфликты в парке Торфянка города Москвы, активная фаза которого продолжалась (2015–2018 гг.), вызванный строительством православного храма и конфликт вокруг строительства храма в Екатеринбурге (2019). Эти случаи интересны тем, что там была не одна группа протестующих, а две: одни выступали за строительство храма, другие – против.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII. Храмы против скверов: Екатеринбург, Торфянка и другие

В 2015 г. в Москве в парке «Торфянка» решили построить православный храм, однако местные жители активно выступали против этого строительства, развернутого в рамках утвержденной еще при Лужкове, но по-настоящему расцветшей при Сергее Собянине программы «200 храмов». Задачей этой программы было увеличить количество церквей в столице на одну пятую. До этого к 2010 г. в Москве насчитывалось 837 храмов и часовен.

Уже в 2012 г. начало строительства **храмового комплекса**, сопоставимого по размерам с храмом Христа Спасителя, возмутило жителей района Ходынского поля. Митинг собрал 2000 человек. В результате активности место постройки удалось поменять.

Своего апогея недовольство жителей строительством храмов в местах их отдыха по-настоящему достигло в 2015 г. в парке «Торфянка». Тогда на выступающих против строительства храма напали представители движения «Сорок сороков», называющие себя православными активистами.

Интересно в этом противостоянии, во-первых, то, что помимо местных жителей, по обе стороны конфликта выступали люди, не имеющие к Лосиноостровскому району никакого отношения – представители партии «Яблоко», фанаты «Спартака» и т.д. А во-вторых, стороны неистово демонизировали друг друга: жители, например, утверждали, что православные, которые готовы молиться в новом храме «какие-то неправильные православные с неправильными молитвами...» Ну а подключившийся к конфликту Патриарх Всея Руси Кирилл заявил СМИ, что противники строительства защищают не парк «Торфянка», а в принципе ненавидят изображение креста Господнего. Тем не менее все равно протесты сработали – для храма выбрали другое место.

Позже волнения такого рода происходили еще как минимум в семи парках и скверах Москвы. Впрочем, не отстают от Москвы и другие города.

В **Нижнем Новгороде** в 2018 г. активисты смогли добиться отмены строительства часовни в парке, в котором находятся 100-летние дубовые аллеи. Под нее необходимо было вырубить деревья на площади 1 тыс. квадратных метров.

В 2016 году жители Приморского района **Иркутска** составили петицию на имя президента с просьбой сохранить рощу, на месте которой планируется построить храм Александра Невского с колокольней, воскресной школой, библиотекой на 4 тысячи томов и гостевыми кельями. Он должен был быть построен через дорогу от другого храма Александра Невского. К протестующим прислушались.

Прямо сейчас – в 2019 году – жители **Томска** выступают против планов по возведению церкви. Депутаты Зональненского совета предложили Томской епархии участок, который относится к рекреационной зоне. Изначально речь шла о часовне, но потом в планах появился храм на 200 прихожан.

Наиболее ярким примером среди последних протестов против строительства храмов в местах отдыха горожан стали выступления в **Екатеринбурге**. 12 мая 2019 мая екатеринбуржцы, гулявшие в сквере возле Театра драмы, обнаружили, что их любимое место прогулок огораживают сетчатым забором. Как выяснилось, под строительство храма Св. Екатерины. На следующий день в сквере собрались порядка двух тысяч горожан, скандировавших: «Мы за сквер!» Людям удалось повалить забор и частично утопить его в городском пруду.

Власти тоже не дремали. Губернатора Свердловской области Куйвашева не зря называют человеком Собянина: в Екатеринбурге действовали по давно обкатанной на москвичах схеме. На место пригнали силовиков, а один из спонсоров строительства – глава Русской медной компании (РМК) Игорь Алтушкин – направил бойцов из принадлежащей РМК Академии единоборств. Те попытались разогнать толпу. Однако градус протеста понизить не удалось. Противостояние продолжилось, и с каждым днем в сквере по вечерам собиралось все больше людей.

Заказчик проекта по строительству храма – ООО «Храм Святой Екатерины», принадлежащее на 50% главе Русской медной компании (РМК) Игорю Алтушкину и еще на 50% гендиректору Уральской горно-металлургической компании (УГМК) Андрею Козицыну. Оба бизнесмена – фигуранты списка «Форбс», их состояния зашкаливают за 4 млрд долларов. Строительство собора Св. Екатерины – их подарок городу к 300-летию. Ранее они неоднократно спонсировали различные проекты РПЦ.

Екатеринбургский политолог Федор Крашенинников рассказал газете «Собеседник», что сквер возле Театра драмы – уже третья локация, которую выбирают спонсоры проекта. Два предыдущих участка, отведенных по строительству храма Св. Екатерины, местным жителям удалось отстоять.

По словам Крашенинникова, проблема в том, что каждый раз они выбирают место без всяких консультаций с кем-либо, и каждый раз это оказывается уже обжитое общественное пространство. *«У них идет потеря коммуникации с обществом, – говорит он. – У обоих спонсоров есть огромные участки земли в центре Екатеринбурга под коммерческую застройку. Постройте там церковь и подарите ее городу. Но почему-то подарок городу они хотят строить на общественной земле. И трижды повторяют одну и ту же ошибку – выбирают любимые горожанами места. Говорят: а давайте мы вам в другом месте разобьем сквер».*

Существует еще одна проблема – разговор идет на разных языках: сторонники строительства храма возле Театра драмы предъявляют жителям «мистические» аргументы вроде «У города есть святая покровительница, значит, нам нужен храм». В результате разговор людей, мыслящих в рациональных («нам нужно место для прогулок») категориях, с людьми, мыслящими в религиозных, не складывается.

На акциях против строительства храма были задержаны 96 человек, 30 из них получили от двух до 15 суток ареста.

После того как президент РФ Владимир Путин заявил о необходимости «спросить жителей», вечером 16 мая мэр Екатеринбурга Александр Высокинский заявил, что работы прекращены до окончания проведения опроса горожан по поводу строительства. А уже после этого губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев предложил провести голосование о том, где строить новый храм. «Хочу, чтобы вы услышали. Вопрос „храм или сквер“ не стоит. И то и другое нужно городу и горожанам», – подвел он черту.

(Цит. По ст. «Скверное противостояние», «Собеседник» № 18, 2019)

Конфликты такого рода нередко политизируются «группами поддержки» – политическими партиями, чьи интересы не совпадают с интересами участников конфликта. Так, в случае с «Торфянкой», такой «группой поддержки» явилось городское отделение партии «Яблоко», агрессивно выступавшее на стороне противников строительства. Или другой случай: жители районов «Коньково» и «Теплый стан» выступают категорически против возведения многоэтажной гостиницы, аргументируя свою позицию тем, что территория около метро «Коньково» уже достаточно плотно застроена административными, торгово-офисными и иными зданиями общественного назначения. Не понимают жители и того, почему строить многоэтажную гостиницу с парковкой для автомобилей нужно именно в этом месте. Здесь находится озе-

лененный бульвар, по которому жители ходят и ездят на работу, отдыхают, гуляют с детьми. Многие десятилетия стоит одноэтажный торговый центр с привычными жителям магазинами, мастерскими бытового обслуживания и кафе. Вопрос о целесообразности строительства гостиницы действительно выглядит актуальным: наполняемость московских гостиниц даже нижнего ценового диапазона из-за кризиса резко упала и продолжает оставаться на уровне чуть выше 60%. Место состоятельных европейских туристов заняли жители российских регионов, которые экономят каждую копейку. Также жители опасаются, что вместо гостиницы в конечном итоге получится огороженный забором долгострой и на месте благоустроенного, уютного района люди могут получить под окнами развороченный асфальт на годы вперед.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII. Противостояние вокруг гостиниц в «Коньково» и «Теплом Стане»

Этот конфликт продолжается очень много лет. В 2005 году застройщик получил эту землю на месте сквера по Профсоюзной, 128, и дальше ничего не происходило. В 2012 году правительство Москвы выпустило постановление «Об отраслевой схеме размещения гостиниц в городе Москве», а в 2015 году каким-то образом увеличился участок под строительство гостиницы, и в сентябре 2015 года появилась строительная техника. В январе 2016 года появился забор. На защиту сквера вышли жители, со стороны застройщика территорию строительства охраняли крепкие мужчины в медицинских масках, что, в общем, жителей пугало.

В феврале 2016 года было много митингов, массовых сходов, были избиения активистов, в частности, был избит один из лидеров протеста – местный муниципальный депутат Михаил Громов. На какое-то время строительство опять затихло, но жители поняли, что нужно бороться, и борьба уже перешла в жесткую фазу. Местные жители организовали стихийную парковку, перекрывающую въезд на эту территорию, и установили там постоянные дежурства, которые продолжались полгода – с февраля по сентябрь.

В ночь на 27 сентября 2016 года приехали строительная техника, ЧОП, строители и машины жителей были эвакуированы. Но поскольку там происходило дежурство, все это время люди дежурили, тут же вышли люди, опять случилось противостояние, потасовка, были пострадавшие. И это продолжалось до конца 2016 года. Жители даже перекрывали движение на Профсоюзной улице. В общем, предпринимали огромное количество радикальных конфликтных действий.

И этот проект периодически затухал, но время от времени снова и снова застройщик пытается гостиницу продолжить строить. Жители возмущены этой историей и предъявляют застройщику и властям следующие претензии:

- они против точенной застройки у себя во дворе;
- жители требуют согласования проекта с ними. При этом городские власти заявляют, что постройка отеля предусмотрена генпланом Москвы, который прошел согласование на публичных слушаниях в 2009 году;
- жители «Теплого Стана» с этой позицией не согласны, они считают, что их не спрашивали;

- им не нужно жилье без инфраструктуры под окнами;
- застройщик на своем сайте продает эти апартаменты в гостинице как квартиры;
- строительство частично задевает благоустроенный в 2015 году сквер;
- разрушается инфраструктура района: закрыты несколько магазинов, расположенных в примыкающем к территории строительства торговом комплексе.
- и т.д.

Таким образом конфликт вокруг строительства гостиницы в «Теплом Стане» застрял на стадии активного конфликта, и непонятно, когда это кончится, потому что у застройщика существуют разрешительные документы, а власти считают, что проект согласован с жителями и претензий к ним быть не может.

Важно понимать, что подобного рода градостроительные конфликты происходят не только в Москве и вообще в России, то это не так – в том или ином виде такие процессы существуют во всем мире. В урбанистике даже есть такой термин – **брюсселизация**. Это понятие возникло в 1960-е в связи со сносом домов в центре Брюсселя и означает хаотический подход к реконструкции городов, в ходе которой происходит неконтролируемый снос исторической застройки и ее замещение современными зданиями.

В Брюсселе 1960-х годов сформировалась массовая практика сознательного доведения кварталов до аварийного состояния с целью их последующего сноса. Девелоперы, вступив в сговор с городскими властями, умело организовывали слухи о грядущем сносе, жильцы съезжали из приговорённых домов, брошенные дома (скупленные задёшево) в течение нескольких лет приходили в полную негодность. В узком смысле брюсселизация и есть практика «мирного» выселения домов с последующим «естественным» разрушением.

Другая отличительная сторона именно брюссельской практики – закрытость проектной деятельности, отказ от открытых конкурсов и публичного обсуждения проектов.

Аналогичные процессы происходили, например, на Манхэттене в конце 1940–1950-х – начале 1960-х годов. После Второй мировой войны в США действовала федеральная программа по борьбе со старыми домами, с гетто. Предполагалось превратить Манхэттен в район с элитным жильем. А для этого девелоперы разрабатывали проекты по сносу трущоб. Вопрос в том, куда жители должны были уехать?

Тут уместно провести параллель с московской реновацией. Как бы ее ни ругали москвичи, в ходе реновации жилья никто не лишается.

Взамен снесенного жителям предоставляется аналогичное жилье. В США тоже предполагались компенсации, но денежная компенсация за трущобу никак не покрывает расходов на приобретение жилья, которое из трущобы превратилось в элитное. Не имея возможности купить квартиры в центре, их бывшие обитатели вынуждены были переселиться на окраины Нью-Йорка, а то и вообще в пригороды.

Именно эта миграция из центра на окраины спровоцировала (тем более что дело было в 1960-е – период активной борьбы за гражданские права, против сегрегации и т.д.) появление так называемого **адвокативного планирования**. Основоположник этого подхода, американский юрист Пол Давидофф утверждал: *«Выбор наиболее удачной городской политики произойдет с большей вероятностью, если носители различных политических, социальных и экономических интересов смогут создавать собственные планы развития города. На общественное обсуждение должно выноситься несколько вариантов планов, а не один единственный от одного агентства».*

В наши дни, и в России в частности, сторонники адвокативного планирования стараются формировать новые подходы и принципы разрешения городских конфликтов с помощью информирования граждан, медиации и профессиональной юридической помощи сообществам, лишенным отстаивать в ГК собственные интересы. О том, как именно это делается, мы подробнее поговорим в главе, посвященной роли медиации в городских конфликтах.

Возможные действия участников конфликта

Как мы уже отмечали, набор конкретных действий субъектов конфликта во многом зависит от сформированных ими образов конфликтной ситуации. Вместе с тем, в любом конфликте, в том числе и конфликте городском, действия сторон носят характер взаимодействия, поскольку целью действия одного субъекта в конечном счете является противоположная сторона конфликта. Из этого следует, в частности, что действия, предпринимаемые участниками конфликта, следует рассматривать двояко: с одной стороны, любое такое действие направлено на препятствование достижению целей противной стороны конфликта и, в то же время, совершается с намерением достичь самостоятельных целей.

Другой важный аспект, учитывать который необходимо при анализе действий участников конфликта, это наличие у каждой из сторон четкой стратегии действий, которой эта сторона придерживается в ходе конфликта, лишь в частностях трансформируя ее в связи с изменением конъюнктуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX. От «Охта-центра» к «Лахта-центру»

В ноябре 2004 года правительство Санкт-Петербурга выделило компании «Газпром» в аренду участок земли между Большеохтинским проспектом и Свердловской набережной напротив Смольного монастыря. Тогда же «Газпром» официально объявил о будущем строительстве на Охте офисного здания для всех дочерних структур компаний. Тогдашний губернатор Петербурга Валентина Матвиенко высказалась в поддержку этого проекта. Выставка конкурсных проектов строительства Административного делового центра «Газпром-Сити» прошла в ноябре 2006 года в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств. Конкурс выиграл проект английского архитектурного бюро RMJM London. Против проекта активно высказывались архитекторы, в частности Союз архитекторов СПб заявил о категорическом неприятии строительства 400-метровой башни Охта-центра, где планировалось разместить офис «Газпрома».

Проект «Охта-центра» вызвал бурную полемику среди горожан, которые высказывали опасение, что высотка в непосредственной близости от исторического центра испортит панораму северной столицы, исторический центр которой внесен в фонд Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Помимо этого, специалисты археологи обнаружили на самом Охтинском мысу целый ряд исторических памятников, на музеефикации которых настаивают ученые. Строительство нового небоскреба не позволило бы в полном объеме сохранить остатки тех древних строений и крепостей на месте предполагаемого строительства нового делового центра – шведского замка Ландскроны, крепости Ниеншанц и Охтинской верфи.

Известные общественные деятели Петербурга писали коллективные обращения к правительству с просьбой воспрепятствовать строительству небоскреба, в городе прошли акции протеста, было создано несколько общественных движений, собрано более 50 тысяч подписей.

Озабоченность по поводу строительства «Охта-центра» выразила и ЮНЕСКО. Организация заявила, что в случае строительства небоскреба возможно внесение Петербурга в список городов, где «мировое наследие под угрозой».

Но вместе с тем, ряд известных петербуржцев открыто выступили за строительство, даже снявшись в роликах «Газпрома», рекламирующих новый центр с небоскребом.

6 октября 2009 года представитель городского правительства сообщил, что Валентина Матвиенко подписала разрешение на строительство «Охта-центра».

В суды разной инстанции с жалобой на незаконность проведения публичных слушаний по строительству «Охта-центра» обращались представители градозащитной организации Санкт-Петербурга. Сначала жители северной столицы пытались использовать привычные процедуры: взаимодействовали с властью в судах, призывали вмешаться высшие инстанции. Но вскоре горожане поняли, что власть, ангажированная корпорацией, стремится свести процедуры общественного обсуждения к имитации. Как еще оценить тот факт, что публичные слушания назначаются на 9 часов утра 1 сентября? Общественность сменила стратегию: перестала взаимодействовать с властью и обратилась к мировому общественному мнению, выбрав стратегию наращивания ресурсов за счет публичности в мировом масштабе. Когда к ситуации подключилось ЮНЕСКО, пригрозив санкциями, горожан услышала власть.

Точку во всей этой истории поставил лично тогдашний президент РФ Дмитрий Медведев. На встрече с российскими рок-музыкантами он заявил, что решение о строительстве в Петербурге «Общественно-делового центра «Охта» с 400-метровой башней-доминантой должно приниматься после завершения всех судебных процессов и консультаций с ЮНЕСКО. Медведев подчеркнул, что ему как человеку, значительную часть жизни прожившему в Петербурге, небезразличен архитектурный облик города, который фактически является музеем под открытым небом.

10 ноября в РИА Новости в ходе видеомоста, посвященного 65-ой годовщине создания ЮНЕСКО, представитель РФ в Комитете Всемирного наследия Игорь Маковецкий сообщил, что проект по строительству в Петербурге общественно-делового центра «Охта» не утвержден федеральным правительством. Таким образом «Охта-центр» превратился в «Лахта-центр», на выезде из Санкт-Петербурга, однако, по мнению многих горожан, невскую панораму он все равно испортил, хотя и с другой стороны берега.

Исходы конфликтных действий

Исход градостроительного конфликта – это конкретный результат конфликтных действий. Разумеется, такой исход не является чем-то, существующим вне тела конфликта. Сложившаяся практика разрешения градостроительных конфликтов позволяет нам констатировать: исход такого конфликта всегда органично вплетен в сам конфликт.

Однако это «вплетение» может иметь место на разных уровнях. Например, участники конкретного градостроительного конфликта с самого его начала и на протяжении всего его развития, как правило, имеют более-менее устойчивый набор образов возможных вариантов его завершения, которые, в силу своей принадлежности к той или иной группе сторон конфликта, ранжируют от максимально негативных (категорически неприемлемых) до максимально позитивных (однозначно, безоговорочно приемлемых). Этот набор является, безусловно, идеальным понятием, однако именно в соответствии с ним стороны конфликта строят свои стратегии и реализуют их в конкретных поведенческих социальных моделях. При этом реальные последствия сторон конфликта также являются составным процессом конфликтного взаимодействия. Особенность градостроительных конфликтов в этой связи является то, что они имеют, как правило, делящуюся природу, а сами конфликтные действия предпринимаются сторонами, как правило, пошагово: действие каждого участника конфликта является реакцией на предыдущее по времени действие противной стороны конфликта. Это позволяет перемежать действия сторон с результатами этих действий и о существенном их взаимном влиянии, которое приводит, кроме прочего, и к известной коррекции образов участников конфликта о его возможном исходе.

Еще одним типичным видом российских ГК являются **конфликты, связанные с обманутыми дольщиками**. Причиной их возникновения обычно являются как срывы сроков сдачи многоквартирных домов в эксплуатацию, так и признание застройщика банкротом и, как следствие, отсутствие четкой позиции по поводу завершения строительства. Наиболее резонансным конфликтом рассматриваемого типа было, безусловно, признание в апреле 2016 года банкротом крупнейшего застройщика России – «СУ-155», который на этот момент реализовывал огромное число проектов во многих российских регионах. В итоге государству, чтобы не допустить колоссального социального взрыва, пришлось вмешиваться в эту ситуацию, и искать варианты завершения этих проектов, при этом общий объем необходимых дополнительных инвестиций оценивается в 49 миллиардов рублей.

ГК, **возникшие после окончания строительства**, в России встречаются реже. Так, некоторое время назад подмосковные власти насчитали на своей территории свыше 400 многоквартирных домов, незаконно построенных на дачных участках. В настоящее время областное правительство с привлечением муниципалитетов путается решить проблему таких «самостроев» в судебном порядке. Конфликт

налицо: долгое время предприимчивые граждане, используя несовершенство градостроительного и земельного законодательства, покупали земельные участки для индивидуального жилищного строительства, а по факту возводили там многоквартирные дома высотой до семи этажей. При этом квартиры в таких домах были существенно дешевле законно построенных аналогов, и их покупали зачастую представители социально незащищенных слоев: инвалиды, матери одиночки, для которых это теперь – единственное жилье. Остро стоит и вопрос компенсаций людям, купившим такое жилье: как правило при сносе дома им ничего не выплачивается, что объективно толкает жителей на крайне агрессивные модели поведения. Впрочем, иногда права удается отстоять и без агрессивных мер.

ПРИЛОЖЕНИЕ X. «Берег столицы»

Конфликт вокруг элитного поселка таунхаусов «Берег столицы» в Серебряном Бору продолжался девять месяцев. Активисты во главе с юристом, называющим себя Иваном Ёжиковым, наконец смогли добиться начала сноса этого комплекса. Дело в том, что «Берег столицы» был построен незаконно: застройщик, компания «Виртус-Р», являющейся дочерней структурой девелопера «Ташир», был незаконно возведен в охранной зоне особо охраняемой природной территории «Памятник природы “Серебряный бор” под видом спортивного объекта – Центра водного спорта «Динамо». Однако вместо спортивной базы там были построены виллы и таунхаусы, более того, по документам, «Берег столицы» проходит как уже сданный в эксплуатацию спортивный объект. Тем не менее после девяти месяцев борьбы неравнодушных граждан префектура Северо-Западного административного округа Москвы начала демонтаж забора, окружающего объект.

Изъятие недвижимости для общественных нужд

В числе самых неприятных и трудноразрешимых и для власти, и для жителей (собственников) являются **ГК, связанные с изъятием недвижимости для публичных нужд.**

В последние годы в России увеличивается число таких конфликтов. И этому способствуют как объективные, так и субъективные факторы. Причем объективное и субъективное касается всех сторон конфликта – и государства, и застройщиков, и граждан.

Объективно в РФ растет потребность в реализации крупных инфраструктурных проектов – олимпиады, чемпионаты мира, строительство новых дорог и других объектов инфраструктуры, под которые нужны площади и территории. К субъективным факторам можно отнести принятый Федеральный закон № 373 о комплексном развитии территорий, закон о реновации и др., существенно расширяющие возможности изъятия для земли для государственных нужд. Более того, в 2017 году право изъятия земли было дано силовым ведомствам – МВД, ФСБ и ФСО РФ.

Объективным фактором для граждан является то, что недвижимость и земля являются их собственностью, и как ни называй изъятие в пользу государственных нужд – реновацией, ревитализацией, реконструкцией, благоустройством и т.п. – по существу подобные меры являются *экспроприацией*. То есть актом принуждения. Насильственным изъятием того, что гражданин не собирался, не планировал отдавать

или менять на что-то. И в данном случае государство решает, что общественный интерес превышает частный, поэтому нужно удовлетворять потребности предположительно более важные, чем потребности отдельных людей. Действующее законодательство и практика его применения предлагает искать нужду в каждом отдельном случае, исходя из баланса общественных и частных интересов. Однако прямого ответа на вопрос, как именно рассчитывать этот баланс законодательство не дает.

И хотя в Конституции РФ указывается «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения» (Ч. 3, ст. 35). Тем не менее в статье не дается четкого определения ни «государственной нужде», ни собственно «равноценному возмещению». И эта неопределенность является конфликтогенной. Если в случае с государственной (публичной) нуждой существуют хоть какие-то правила, то определение «равноценности» куда сложнее, но об этом чуть позже.

Итак, нынешнее законодательство выделяет два способа изъятия:

1) Земельные участки можно изымать в пользу государства при строительстве объектов энергетики, транспорта, обороны, электро- и газоснабжения и некоторых других (ст. 49 Земельного кодекса РФ);

2) Принятие специального федерального закона, где недвижимость выделяется под строительство конкретного объекта (объектов): Зимняя Олимпиада 2014 года, реновация жилья в Москве, чемпионат мира по футболу 2018, форум АТЭС.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI. Саммит АТЭС в Приморском крае

Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) проходил во Владивостоке со 2 по 9 сентября 2012 года. При его подготовке были реконструированы значительные территории в Приморском крае. Для успешного проведения саммита 8 августа 2009 года был принят специальный Федеральный закон (ФЗ № 93 «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран-участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В 9 части 4 статьи этого закона указывалось, что документация по планировке территории для размещения объектов, необходимых для проведения саммита, утверждается без проведения публичных слушаний, так что местное население оказалось просто поставленным перед фактом изменения городской среды и изъятия собственности.

Кроме того земельные участки и расположенные на них объекты, по этому закону, можно было изымать и после проведения саммита АТЭС. И здесь мы видим пример параллельного – в обход Земельного кодекса РФ – регулирования изъятия объектов для государственных нужд с помощью специальных законов и подзаконных актов, что вряд ли можно считать удачной для граждан и их собственности стратегией развития территорий. Более того, подобные формы регулирования лишают граждан законодательного обоснования для защиты их собственности – и в судах, и на улице.

Наиболее известной и конфликтогенной ситуацией с изъятием собственности для публичных нужд является московская реновация. Масштабный план переселения жителей пятиэтажных домов советской постройки, так называемых хрущевок, в современные многоэтажные дома, построенные либо на месте хрущевок, либо в том же микрорайоне был обнародован в 2017 году и вызвал панику у собственников квартир, расположенных в домах «первоначального этапа панельного домостроения». Москвичи опасались, что власти и застройщики в очередной раз обманут их – недоверие население к власти и бизнесу является одним из ключевых катализаторов городских конфликтов в России: проще говоря, жители в принципе не ждут от властных инициатив

ничего хорошего для собственной жизни и настроены бороться не за улучшение условий, а за сохранение того, что есть – «как бы хуже не стало». К тому же осмысленному спору с государством в вопросах изъятия собственности для государственных нужд препятствует негативный исторический опыт многих поколений – захотят, все равно отнимут. И это представление о роли государства как агрессора мешает гражданам адекватно оценивать нанесенный им ущерб (как, впрочем, и выгоды от подобных проектов) – и материальный, и моральный. Следует отметить, что в нашей стране размер компенсаций за изъятую недвижимость не имеет постоянной величины или формулы, по которой рассчитывается – каждый раз это происходит как в первый раз и зависит от конкретного оценщика. Статистики удовлетворенности/неудовлетворенности граждан компенсациями не ведется, а «журналистские» материалы, посвященные этой теме, как правило, носят заказной характер – причем в зависимости от пиар-задачи довольство/недовольство граждан может быть преувеличено. В открытых официальных источниках данные о размерах компенсаций не указываются, поэтому независимому исследователю изучить их и составить какую-либо картину невозможно.

Теоретически можно поделить компенсацию ущерба на сугубо материальную и, так сказать, символическую составляющие. Притом что символическая составляющая включает в себя как «сентиментальные ценности», связанные с прошлым, так и разрушение планов на будущее. Что в свою очередь тесно связано и с материальным ущербом.

Например, в 2017 году, в разгар широкого общественного обсуждения московской реновации социальные сети облетела такая история. Сестры, каждая из которых, имели в Москве по квартире, выйдя на пенсию решили съехаться. Они продали одну из принадлежавших им квартир и вложили деньги в серьезное переустройство и дорогой ремонт оставшейся квартиры, в которой рассчитывали прожить до смерти – установили удобные для немолодых людей дверные проемы, душевую кабину, купили дорогую надежную мебель и т.д. Их дом попал в список на выселение, и, разумеется, власти готовы были предоставить им жилье взамен утраченного. Но, как возмущались и расстраивались эти пенсионерки в соцсетях: второй такой ремонт мы не потянем уже никогда ни материально, ни по состоянию здоровья – потрачены не только деньги, но и разрушены планы на будущее. Однако этот ущерб им компенсировать никто не будет – максимум, что пенсионерки могут сделать это подать в суд на компенсацию морального вреда, впрочем, непонятно, на основании чего она будет рассчитываться.

Вообще определять ущерб, связанный с *«сентиментальными ценностями»*, довольно сложно. В момент принятия решения о вынужденном переезде граждане способны осознавать лишь малую часть морального и бытового ущерба, который принесет им смена места жительства. Именно тут на помощь жителям должны приходиться медиаторы и конфликтологи. Ведь выяснив возможные опасения и привычки граждан, можно предупредить будущие конфликты.

Работая с населением, которое подвергается вынужденному переселению и другому изъятию недвижимости, конфликтологи, чиновники и застройщики должны сознавать, что в наше время объект недвижимости для человека – это не только квадратные метры и возможность где-то ночевать, но и образ жизни. Зону комфорта, в которой сочетаются семейные ценности, привычки, значимые события вроде первой любви или рождения детей, самоидентификация – район, соседство и т.д. Т.е. вещи, ущерб от отсутствия которых трудно измерить деньгами. Если в случае изменения вида из окна можно говорить о простом снижении цены на недвижимость, то символический ущерб измерить практически невозможно, так же как невозможно предугадать его для каждого конкретного человека.

Для описания стресса от разрыва со своим домом, местом жительства и привычной средой обитания западные исследователи употребляют термин «соластальгия» (от «solas» – «утешение» и «nostalgia» – «ностальгия»).

К сожалению, пока ущерб от утраты личной связи человека с его жилищем никак не учитывается в законодательстве РФ, однако конфликтологам и медиаторам стоило бы обращать на него внимание в процессе выяснения позиций конфликтующих сторон и выработки взаимно приемлемого решения.

Особенно это нужно учитывать при переговорах с застройщиками и другими предпринимателями, претендующими на участие в проектах, связанных с изъятием недвижимости как в государственных, так и в коммерческих целях. Понятно, что главной целью застройщиков всегда является получение большей прибыли при меньших вложениях, тем не менее к психологическому комфорту граждан при переселении нужно относиться так же внимательно, как к технике безопасности при строительстве.

Инфраструктурные конфликты/ Конфликты в сфере ЖКХ

Конфликты в сфере ЖКХ стоит разделять на непосредственно инфраструктурные, связанные с деятельностью городской инфраструктуры, и конфликты с персоналом, который взаимодействует с населением.

И основной проблемой нормального отношения к ЖКХ заключается в **отсутствии у населения доверия** к организациям ЖКХ – и касается это не только мегаполисов, но и всех населенных пунктов нашей страны.

Несмотря на то что Россия уже очень далеко ушла от проблем 1990-х годов, и многих существовавших в то время проблем в сфере ЖКХ больше нет, тем не менее проблемы сферы ЖКХ происходят именно из тех времен. В 1990-е гг. государство перестало заниматься многими темами, в частности – регулировать вопросы ЖКХ. И главная проблема в ЖКХ сейчас – вернуть доверие населения.

Впрочем, в последнее время проблема все-таки снижается – доверия становится чуть больше. Появилось лицензирование деятельности управляющих компаний. Более того в любой момент на общем собрании жители могут принять решение и пригласить другую управляющую компанию управлять своим домом. Заработали государственные жилищные инспекции, появились такие интернет-порталы, как «Активный гражданин», «Добродел», с помощью которых тоже можно жаловаться и получать и грамотные ответы, и нормальную реакцию на проблемы по управлению своим домом и близлежащей территорией.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII. Платформа «Активный гражданин»

Проект «Активный гражданин» стартовал как площадка для проведения среди различных групп москвичей голосований в электронной форме по вопросам городского развития.

На голосование в проекте «Активный гражданин» выносятся только те вопросы, которые относятся к компетенции правительства и органов исполнительной власти города Москвы. При этом, каждый из них действует в рамках полномочий, установленных различными нормативно-правовыми актами.

Реализация итогов голосования в «Активном гражданине» может происходить в разных формах: от принятия законов города Москвы (например, о запрете продажи алкоэнергетиков) и постановлений правительства Москвы (например, о повышении эко-класса автобусов в Москве) до ведомственных решений (например, утверждение проектов благоустройства парков).

В настоящее время «Активный гражданин» насчитывает 2 705 415 участников. Проектом принято 134 792 782 мнения горожан.

За пять лет его работы проведено 4 370 голосований, реализовано более 3 000 решений, среди которых:

- 8 сезонов программы «Миллион деревьев»: озеленено почти 9,6 тыс. московских дворов, высажено почти 794 тыс. новых деревьев и кустарников;
- Утверждение проектов благоустройства и оценка качества проведенных работ более 100 парковых зон;
- Утверждение 48 проектов благоустройства в рамках программы «Моя улица»;
- Благоустройство более 2 000 столичных дворов;
- Выбор дизайнера 8 новых станций московского метро;
- Утверждение стандартов детского отдыха, работы городских поликлиник, библиотек, МФЦ.

Если в мае 2014 года проект стартовал в простом формате – обсуждение вопросов начиналось с общегородских голосований, доступных всем зарегистрированным участникам, то уже через несколько месяцев была реализована возможность обсуждать точечные вопросы, направленные на конкретную группу жителей (по месту проживания, возрасту, полу, семейному положению, т.д.).

В 2016 году компания PricewaterhouseCoopers (PwC) провела независимый аудит деятельности проекта «Активный гражданин». Эксперты «PwC» не выявили подозрительных тенденций и отклонений, которые могли бы свидетельствовать о целенаправленном воздействии на ход и результаты голосований, в том числе на проведенные голосования с количеством участников более 300 000.

Впрочем, власти не всегда прислушиваются к мнению горожан даже в тех случаях, когда это однозначно работало бы на их авторитет среди жителей. Например, несколько лет назад Правительство Москвы переименовало строящуюся станцию метро «Братеево» в «Алматынскую» в ознаменование дружбы между Россией и Казахстаном. Жители «Братеева» обратились в суд с заявлением о признании недействительным этого распоряжения. Они указали, что нарушены их права и интересы в социально-культурной сфере: наименование «Алматынская» не соответствует нормам русского языка и местным историко-культурным ценностям, не отражает культурную самобытность города, а также топонимику местности. Жители заявляли, что распоряжение Правительства Москвы нарушает их право на благоприятную окружающую среду в ее антропогенном сегменте, т.е. право, гарантированное ст. 42 Конституции РФ, а также на благоприятное пребывание в окружающей топонимической и языковой среде.

В удовлетворении заявления было отказано. Тем не менее урбанистически это требование вполне правомерно. Представляется, что топонимы локальных объектов разумно хотя бы предварительно обсудить с теми, кто будет ими пользоваться, – местными жителями. И уже после этого принимать решения.

Важно понимать, что большинство конфликтов в сфере ЖКХ имеют частный характер и очень сильно зависят от субъективных факторов – в первую очередь организации работы каждой конкретной управляющей компании, эксплуатационного участка, муниципальной службы. Доброжелательный и заинтересованный в помощи жителям диспетчер жилконторы или аварийной службы способствует созданию у жителей ощущения комфорта, куда больше чем идеально подстриженные кусты вокруг дома.

Часто конфликт возникает и из-за непонимания жителями функций и полномочий той или иной коммунальной службы, в этой ситуации так же важно, чтобы коммунальщики были достаточно проинформированы о своей компетенции и умели быстро, четко и вежливо переадресовать испытывающих стресс граждан в необходимые им службы, ну а гражданам научиться проявлять понимание разнообразных ситуа-

ций: электрик из ЖЭКа неспособен устранить аварию на подстанции, оставившую без электричества три района. Часто из-за неспособности обеих сторон разговора (возмущенного гражданина, оставшегося без света, газа или воды, и невежливого диспетчера) к конструктивному диалогу проблема не решается, а стороны просто выплескивают друг на друга раздражение: «Как вы вообще работаете?» – «Вы у меня не одна такая». Во избежание подобных конфликтов желательно бы было научить коммунальщиков навыкам *эмпатического слушания*. Ведь простая фраза «Мы пока не можем прислать вам водопроводчика (электрика, мастера и т.д...), но постараемся это сделать как можно скорее, я помню о вас и вашей проблеме и держу ее под контролем...» уменьшает напряжение терпящего бытовое бедствие жильца и повышает его уважение к коммунальным службам в целом – известно, что в домах, где хорошо налажено бытовое обслуживание, сотрудники коммунальных служб вежливы и готовы решать проблемы жильцов, общий долг по квартплате меньше, чем в домах, где коммунальные службы ведут себя хамски или попросту равнодушно.

В последние годы в СМИ и соцсетях появляется все больше сообщений о конфликтах жильцов и коммунальщиков, связанных с выбиванием у граждан «долгов по коммуналке». И хотя отрицать проблему колоссальной задолженности россиян по коммунальным платежам невозможно – по данным газеты «Известия», в I квартале 2019 года долг вырос на 28,7 млрд руб. по сравнению с аналогичным периодом 2018 года и составил 564,5 млрд руб. – невозможно, методы борьбы с должниками, выбранные коммунальщиками, вызывают недоумение. Фантазия управляющих компаний в самоуправстве по отношению к должникам не знает границ. Кому-то из неплательщиков перерезают электрические провода, кому-то ставят «заглушки» на трубы, и люди лишаются возможности пользоваться канализацией, прокалывают колеса у припаркованных во дворе машин, натравливают жильцов друг на друга и т.д. Никаких законных прав делать это они не имеют, но продолжают заниматься созданием невыносимых условий жизни для должников вместо того, чтобы обращаться в суд и добиваться там погашения или реструктуризации долга. Конечно, жильцы и собственники квартир обязаны платить по квитанциям вовремя, но обстоятельства у людей бывают разными, и **разрешение конфликтов должников и управляющих компаний отличный пример удобства и выгоды медиации по сравнению с обращением в суды и порчей имущества**. А уж тем более по сравнению с передачей долгов по коммунальным платежам коллекторским компаниям, что сейчас широко обсуждается на правительственном уровне.

Городские конфликты, связанные с предпринимательской деятельностью

В последние годы государство все чаще вмешивается в привычные для жителей схемы и практики функционирования малого бизнеса в городах, что вызывает недовольство как горожан, так и предпринимателей. Для этих ГК характерно то, что граждане и бизнес оказываются по одну сторону баррикады. К подобным конфликтам можно отнести массовый снос торговых павильонов, признанных мэрией самостроем, в Москве в 2016 году. Напомним, что летом 2015 года в Гражданский кодекс РФ были внесены поправки, в частности было легитимизировано понятие «самовольная постройка». Под это определение попали многие объекты в Москве – от мелких ларьков возле метро до довольно крупных и известных торговых центров вроде торгового центра «Пирамида» у ст.м. «Пушкинская» и торговых рядов около ст.м. «Чистые пруды».

До внесения в Гражданский кодекс РФ поправок у властей не было юридических оснований для массового сноса спорных построек – решение по каждому объекту принималось судом в индивидуальном порядке. После их внесения для сноса какого-либо объекта стало достаточно уведомления владельцев или арендаторов о признании его самовольной постройкой и сносе. Владельцы ларьков и арендаторы до последнего не верили в возможность ликвидации своих помещений без решения суда. И хотя к массовым протестам снос ларьков не привел, некоторые павильоны приходилось сносить при поддержке «силови-ков».

Этот городской конфликт интересен тем, что горожане и предприниматели оказались здесь не то чтобы заодно, но однозначно против власти. И если ущерб, понесенный предпринимателями, в принципе понятен – убытки, неоправданные вложения средств, потеря социального статуса и т.д., то горожанам тоже пришлось несладко. Несмотря на то что многих жителей раздражали уродливые сооружения, музыка и не всегда симпатичные граждане, собиравшиеся возле ларьков, это раздражение все равно было несравнимо с разрушением привычных поведенческих практик – невозможностью купить хлеба и молока по дороге от метро к дому, необходимостью совершать покупки в крупных торговых сетях, потере рабочих мест возле дома и т.д.

К подобного рода конфликтам можно отнести и полный запрет на курение в общественных местах – барах, ресторанах, кинотеатрах и т.д., вступивший в силу с 1 июня 2014 года. Многие заведения общественного питания тогда просто разорились из-за оттока клиентов, а

курящие горожане лишены привычного комфорта в виде «чашки кофе с сигареткой».

В принципе, любые законодательные инициативы властей по улучшению среды обитания жителей городов должны внедряться в жизнь только после всестороннего изучения технической возможности и необходимости их внедрения на конкретных территориях и мнения жителей по этому поводу. Например, в Петербурге городские власти так разместили на дорогах полосы для движения велосипедов, что создали неудобства и для жителей, и для автомобилистов, а толком передвигаться на велосипедах по городу все равно невозможно.

Тут должен работать знаменитый принцип «протоптаных тропинок», изобретение которого приписывают великому советскому физики И.В. Курчатову: возглавив институт, впоследствии получивший его имя, академик распорядился не асфальтировать дорожки на прилегающей территории, а дать сотрудникам самим протоптать тропинки там, где им удобно ходить. После этого дорожки покрыли асфальтом, но по газонам уже никто не ходил.

Очередным примером вмешательства государства во взаимоотношения горожан и бизнеса стал запрет на размещение гостиниц в жилых домах.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIII. Запрет на размещение мини-гостиниц и хостелов в жилых домах

Не секрет, что в последние годы в туристских и курортных городах растет количество мини-отелей, хостелов, расположенных в многоквартирных домах, а также обычных квартир, сдающихся в аренду посуточно через специальные сервисы сдачи жилья вроде gbnb.com. И хотя жители и собственники квартир не особенно возмущались размещению в их домах мини-отелей и хостелов – скорее, наоборот, хозяева мини-отелей часто делали ремонты в подъездах, устанавливали за свой счет системы безопасности и т.д. – депутат Государственной думы от «Справедливой России» Галина Хованская еще в 2014 году предложила полностью запретить размещение мини-гостиниц и хостелов в жилых домах. Инициаторы запрета ссылались на неудобства для остальных жителей дома, а также на то, что владельцы мини-отелей и хостелов постоянно уходят от налогов.

В первом чтении законопроект был принят еще в 2014 году, и встретил серьезное недовольство и сопротивление бизнес-сообщества. В Санкт-Петербурге в 2016 году прошел митинг отельеров, утверждавших, что государство хочет уничтожить их бизнес в интересах крупных международных гостиничных сетей. Тем не менее, несмотря на все полемику вокруг запрета, ФЗ №59 Федеральный закон N 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации», ужесточающий правила размещения гостиниц в многоквартирных домах был принят 15 апреля 2019 года и вступил в силу 1 октября 2019 года. Причем его вступление в силу несколько раз откладывалось по просьбе предпринимателей и руководителей регионов. В частности тогдашний врио губернатора Санкт-Петербурга Александр Беглов обращался к Совету федерации с требованием отложить вступление этого запрета в силу, чтобы отельеры успели реорганизовать свой бизнес. С критикой законопроекта выступал и бизнес-омбудсмен РФ Борис Титов. По его словам. Закрытие мини-гостиниц в жилом секторе невыгодно для страны.

Предприниматели прогнозировали разорение мини-гостиниц и хостелов, потерю рабочих мест, увеличение затрат на отдых для граждан и т.д., но довольно быстро нашли решение, защищающее этот бизнес: номера стали называть комнатами, что не противоречит новым поправкам, а из вывесок и рекламы просто убрали слова «гостиница» и

«отель», ну а сами места мини-гостиницы и хостелы остались на прежних местах.

Следует отметить, что принятие ФЗ № 59 не принесло ожидаемой пользы ни гражданам, ни власти, ни предпринимателям: все осталось при своих, только предприниматели понесли финансовые, а власть – репутационные потери.

Борьба за сохранение культурного наследия

Как частный, но очень важный случай городских конфликтов можно рассматривать *конфликты, связанные с разрушением культурного наследия*. Этот тип конфликтов, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения: ведь помимо привычной среды обитания, удобства и т.д. участники таких конфликтов апеллируют к культурному коду и культурной общности граждан, их представлении о себе и городе, жителями которого они являются. А власть и бизнес, по каким-то причинам настаивающий на разрушении (сносе, реновации, реставрации и т.д.) выглядят в глазах жителей абсолютными вандалами, мало того что не учитывающими бытовых интересов жителей, так еще и разрушающих историческую память и наследие для будущих поколений.

Следует отметить, что конфликты вокруг памятников культурного наследия эффектно выглядят в средствах массовой информации и привлекают множество заинтересованных в пиаре акторов. Причем они могут быть локальными – касающимися жителей относительно небольшой территории: улицы, микрорайона и т.д., так и носить общегородской, а то и федеральный характер.

В локальных историях такого рода конфликт строится на непосредственной выгоде (удобствах и неудобствах) для жителей. Не секрет, что цены на недвижимость в исторических и культурных памятниках выше, чем в обычных домах. Соседство с историческими и культурными памятниками также способствует комфорту жителей.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIV. Снос домов в Палашевском переулке

Градозащитники и активисты, члены «Архнадзора» и жители Центрального административного округа Москвы намерены выступить против изменения Правил землепользования и застройки – коммерческое строительство не должно проводиться на месте старинных зданий. Очередным поводом для этого стали планы по сносу исторических зданий в Большом Палашевском переулке, д. 11–15. Два дома – это историческая застройка, дом 11 стр. 2 – доходный дом купцов Лоткиных, построенный архитектором Воскресенским в 1884 году, дом 13, стр. 2 – дом О.Д. Липатовой, хозяйственная постройка 1892 года архитектора Тропаревского. В 1923 году здание было перестроено и переведено в жилой сектор. Еще четыре здания являются воссозданной исторической застройкой. Сейчас собственник зданий хочет снести эти дома и вместо них построить авангардное здание переменной этажности, не вписывающееся в окружающий пейзаж. Жители шокированы перспективой сноса части исторической Москвы и готовятся выступить против нее на публичных слушаниях. Они считают, что власти должны стремиться сохранять историческую застройку и всячески препятствовать планам застройщиков разрушать дома в коммерческих интересах.

Важнейшей составляющей подобных ГК является определение исторической и культурной ценности того или иного объекта. Именно по этой линии обычно проходит противостояние экспертов и граждан в средствах массовой информации. Одни спешат объявить тот или иной объект крайне важным и ценным для данной территории и культуры в целом, другие называют этот же объект «позором» и выражают радость от его предстоящего или уже состоявшегося сноса. И те и другие могут действовать как искренне, так и давать свои заключения в поддержку позиции застройщиков или граждан. Более того, зачастую и у граждан стремление к новому побеждает желание сохранять привычные объекты. Чрезвычайно ярким примером подобных дискуссий является полемика вокруг сноса в Санкт-Петербурге Спортивно-концертного комплекса имени Ленина (СКК)

ПРИЛОЖЕНИЕ XV. Обрушение СКК в Санкт-Петербурге

31 января 2020 года в Санкт-Петербурге снесли спортивно-концертный комплекс «Петербургский» (СКК им. Ленина). При сносе рухнула крыша СКК и погиб 29-летний рабочий Матвей Кучеров. Ситуация вокруг разрушения СКК вызвала широкий общественный резонанс, и не только из-за того, что погиб человек.

Напомним, строительство СКК было начато в 1970 году, в 1980-м, перед самой Олимпиадой–80 здание, построенное по проекту архитекторов Н.В. Баранова и И.М. Чуйко было введено в эксплуатацию. За минувшие сорок лет на арене СКК прошло множество спортивных соревнований, культовых концертов, праздников для молодежи и ветеранов, несколько лет функционировал вещевого рынок. К началу 2010-х СКК устарел и перестал соответствовать своему прямому предназначению – проведению спортивных мероприятий и концертов. К тому же в СПб появились новые спортивные арены – Ледовый дворец, «Сибур-арена» и др. К тому же руководство СКК неоднократно информировало городские власти об аварийном состоянии комплекса: «Подвальные помещения и фундамент прогнили, все течет, коммуникации надо менять», – говорил журналистам и.о. генерального директора СКК Андрей Абраменко.

С 2017 года шла дискуссия о капитальной реконструкции СКК, либо о сносе здания и постройке на его месте нового комплекса. Прошедший 11 августа 2019 года концерт американской певицы стал Дженнифер Лопес последним. Буквально через день после него СКК прекратил свою хозяйственную деятельность, были расторгнуты ранее заключённые контракты с арендаторами, которые собирались провести свои мероприятия в комплексе, и СКК окончательно закрылся.

В 2019-м власти Санкт-Петербурга объявили конкурс на проведение реконструкции здания для его использования в качестве площадки проведения в 2023 году чемпионата мира по хоккею. Предполагалось, что реконструкция обойдется в 25 млрд рублей, не более 10 из которых будет выделено из городского бюджета. Подготовка к реконструкции здания была начата до завершения конкурса и без проекта, что вызвало протесты петербуржцев.

В марте 2019 года петербургский Союз архитекторов и городское отделение Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры подали в Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга

заявки на включение СКК в перечень выявленных объектов культурного наследия. Однако в связи с тем, что по закону претендовать на статус памятника могут претендовать здания, с момента постройки которых (или с момента значимых событий, связанных с этим объектом) прошло не менее 40 лет, а СКК, по версии Правительства Санкт-Петербурга, ввели в эксплуатацию в середине 1980 года, заявки были отклонены. Поскольку акт о вводе здания в эксплуатацию был подписан 29 декабря 1979 года, 30 декабря 2019 года (через день после истечения 40-летнего срока) была подана новая заявка, которая также была отклонена, с предложением подать заявку ещё раз после 31 января 2020 года. 31 января 2020 года при проведении выполняемых в спешке работ по демонтажу кровли здание было почти полностью разрушено.

Как указано выше, именно в этот день обрушения истекал мораторий, установленный в 2019 году судом для подачи заявления на включение здания в Перечень выявленных объектов культурного наследия (при этом с момента подачи заявления и до его рассмотрения по существу государственным органом работы по демонтажу должны были быть прекращены). Поэтому решение о начале демонтажа принималось в спешке и не было в достаточной степени технически проработано, отсутствовали согласованный проект и разрешение на работы, чёткий план работ, проработанная модель работ по демонтажу, результаты расчётов и испытаний конструкций, отсутствовал контроль за соблюдением правил техники безопасности при производстве работ. «То, что произошло, – это самое настоящее преступление. Во-первых, погиб человек, и погиб не от того, что у него не был пристегнут карабин, а оттого, что у него из-под ног выбили табуретку, – заявил на митинге, состоявшемся возле развалин ССК 2 февраля, почетный строитель России Юрий Тентлер. – Второе. Все, что было сделано с точки зрения строительных норм и правил, было абсолютно бездарно, начиная от не вполне квалифицированной экспертизы, включая бездарный демонтаж. Нужно совершенно не понимать работу этой конструкции, чтобы подряд обрезать тяги. Что по определению должно привести к обрушению подобного рода. Здание нужно восстанавливать. Пусть там дальше архитекторы упражняются с внешним обликом, но восстановить это инженерное сооружение совершенно необходимо».

Разрушение СКК, да еще и гибель при этом человека вызвало в Санкт-Петербурге широкий общественный резонанс. Уже поздним вечером 31 января Следственный комитет РФ по Санкт-Петербургу возбудил уголовное дело по части второй статьи 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при проведении строительных или иных работ,

повлекшее смерть человека). 2 февраля возле разрушенного СКК состоялся митинг возмущенных сносом здания граждан, в котором приняли участие около 1000 человек. Они почтили память погибшего Матвея Кучерова и потребовали признания здания СКК памятником архитектуры и его восстановления. Впрочем, на митинге звучали и призывы расторгнуть концессионное соглашение с инвестором реконструкции СКК, компанией «СКА Арена» и привлечь к уголовной ответственности виновных.

Кроме того, снос СКК вызвал ряд возмущенных выступлений городских политиков, деятелей культуры и пользователей соцсетей. Причем разнообразные – от «выдающийся памятник советской архитектуры» до «грязной цементной помойки» – оценки достоинств здания СКК и его культурного значения никак не противоречили возмущению самим фактом сноса здания сугубо по чиновничьей инициативе, без консультаций с гражданами, городского референдума или хотя бы публичных слушаний. А когда в процессе разбирательства выяснилось, что на момент сноса СКК власти не были в курсе того, какая именно бизнес-структура занимается демонтажом здания, кто является конечным инвестором и бенефициаром реконструкции, то возмущение общественности усилилось. Впрочем, обвинения чиновников в произволе по отношению к архитектурным памятникам Санкт-Петербурга парадоксальным образом отодвигают на второй план проблему застройки зеленой зоны вокруг СКК, против которой выступали жители Московского района СПб еще до начала демонтажа СКК. Какая судьба ожидает теперь эту территорию и что построят на месте СКК, ответственности пока не известно.

От городского конфликта к гражданскому

Как уже говорилось выше, в любом городе мира жители привязаны к своей привычной жизненной среде – от удобной булочной на углу до памятников архитектуры – и не любят изменений. Поэтому вызвать их возмущение и заставить мобилизоваться вокруг защиты какого-либо объекта очень легко. Строительство новых домов неизбежно вызовет разрушение комфортного ареала. Соответственно, властям всегда нужно будет готовиться к акциям «рассерженных горожан» против сноса детских площадок, скверов, гаражей и т.д. Даже если каждая такая акция будет мирной и принесет желаемый результат, то активистов, защитивших свой дом или дерево во дворе, недобросовестным политикам легко привлечь и к другим акциям уже не оправданного и локального, а антиправительственного характера.

Общеизвестно, что ленинградские митинги 1987 года против сноса гостиницы «Англетер» и еще нескольких исторических зданий в центре Ленинграда привели к формированию неформальных политических молодежных движений, которые сыграли важную роль в распаде Советского Союза.

Канализировать гнев горожан, защищающих «свое» и направить его в нужное нечестным политикам русло – технология, отработанная во многих странах мира. Достаточно вспомнить тот факт, что в течение нескольких лет до украинского майдана, неведомые активисты постоянно привлекали жителей Киева к выступлениям против застройки придомовых территорий. В том числе и протестам достаточно радикальным – с ломанием заборов и строительной техники, избиением рабочих. Нужно ли говорить, что в определенный момент сформировавшиеся в ходе таких действий группы активистов оказались на Майдане с булыжниками в руках.

Бывает и так, что городской конфликт исчерпывается по независимым от взаимодействия сторон причинам. Например, продолжавшееся несколько лет подряд противостояние жителей улицы Рубинштейна в Центральном районе Санкт-Петербурга и организаторов вечеринки Legal Street Международного юридического форума в СПб.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVI. Улица Рубинштейна против баров и вечеринок

Улица Рубинштейна в самом центре Санкт-Петербурга соединяет Невский проспект с Загородным проспектом, на ней расположено около больше 40 ресторанов, кафе, заведений быстрого питания, почти все они работают круглосуточно. В «белые ночи» улица Рубинштейна превращается в стихийное пространство развлечений и отдыха. По ней перемещаются сотни людей, на летних площадках ресторанов посетители выпивают и курят, громко играет музыка, в закрытые дворы проникают подвыпившие горожане и туристы, устраивающие там свои дискотеки. Местные жители неоднократно обращались к районным и городским властям с требованием обеспечить им спокойное существование, возможность спать по ночам, заставить владельцев ресторанов соблюдать общероссийский запрет на курение в общественных местах и городские законы о шуме. Подавали в суд на владельцев конкретных заведений. И несмотря на то что суд часто принимал решение в их пользу, а районные и городские власти неоднократно выносили рестораторам предупреждения, санэпидстанция и представители Роспотребнадзора закрывали заведения, тише и спокойнее на улице Рубинштейна не становится.

Кроме того, в целом петербуржцы не поддерживали жителей улицы Рубинштейна – гулять там в белые ночи нравится многим, а заведения – на любой вкус. Поэтому общий посыл в блогах и даже городских СМИ был «не нравится – переезжайте», а каждое закрытое заведение буквально оплакивается в блогах и городских изданиях. Следует отметить, что недвижимость на Рубинштейна очень дорогая, а сам район считается престижным и удобным для жизни, поэтому переезжать оттуда никто из жителей не хочет.

В 2016 году у жителей улицы Рубинштейна появился новый повод для раздражения – вечеринка участников Санкт-Петербургского международного юридического форума Legal Street. В рамках этой вечеринки улица Рубинштейна перекрывалась, движение закрывалось на сутки, а ночь напролет продолжались вечеринка с танцами, дискотеккой, курением и огромным количеством людей. Legal Street проходила на улице Рубинштейна в 2016–2019 годах.

К Legal Street–2019, которая состоялась 16 мая, жители улицы Рубинштейна готовились основательно: вывесили плакаты против ее проведения, а также курения на улице и баров, и встали в одиночные пикеты. В 2020 году они намеревались перейти к более решительным

действиям, чтобы сорвать вечеринку. Однако уже в феврале 2020-го организаторы Санкт-Петербургского международного юридического форума сообщили, что больше не будут проводить Legal Street на улице Рубинштейна. Свое решение они объяснили тем, что количество участников Форума растет, и улица Рубинштейна стала мала для хорошей вечеринки. В 2020 году Legal Street будет переименована в Legal Island и пройдет на Заячьем острове, где никто не живет.

(По материалам www.paperpaper.ru).

Экологические конфликты

Экологические конфликты уместно рассматривать отдельно от традиционных городских конфликтов, поскольку зачастую они являются следствием жизнедеятельности горожан и городской инфраструктуры. К тому же такие конфликты считаются очень сложными. Дело в том, что, как правило, они вполне объективны – развитие человеческой цивилизации не может не оказывать на окружающую среду негативного воздействия. Однако остановить развитие цивилизации тоже никто не может. Можно лишь минимизировать и/или компенсировать это неблагоприятное воздействие: использовать более совершенные технологии, сохранять природные реликты, восстанавливать разрушенное в ходе безалаберного использования и т.д.

Помимо мировоззренческого – «за или против технического прогресса» – экологические конфликты имеют еще и локальное значение для местных жителей: никому не хочется жить рядом со свалкой, стройплощадкой или вредным производством. Ну а поскольку риски от того или иного проекта редко бывают изучены до конца, то недостаток информации, слухи и т.д. повышают конфликтность экологических проблем, более того, часто они получают и политическое (точнее, политиканское) измерение. Под знаменем защиты природы от негативного воздействия человека построены многие политические карьеры – некоторые, правда, и разрушены. Одним из наиболее характерных российских примеров является конфликт, начавшийся в 2007-м году вокруг строительства платной автомобильной магистрали «Москва – Санкт-Петербург», которая должна была разрезать на две части Химкинский лес. Этот проект вызвал серьезные столкновения между представителями власти, местными жителями и участниками различных политических сил – от националистов до АНТИФА. Баталии были настолько бурными, что в 2010 году группа активистов забросала камнями и палками мэрию города Химки. В то же время разворачивалось и противостояние в культурной среде – часть известных деятелей куль-

туры (Юрий Шевчук, Артемий Троицкий, Noize MC и др.) выступили в поддержку протестующих. В то время как Сергей Шнуров и его «Группировка “Ленинград”» высмеивали эти протесты.

Ярче всего на политическом небосклоне возшла звезда одной из руководительниц кампании в защиту Химкинского леса Евгении Чириковой. Она дважды баллотировалась в мэры Химок, но оба раза проигрывала. Тем не менее Чириковой удалось собирать на митинги на Пушкинской площади до 5000 человек. После этих митингов в дело вмешался президент Дмитрий Медведев, и проект был исправлен – автомагистраль прошла по краю леса, а вырубленные деревья были компенсированы новыми посадками. Политическая карьера у Евгении Чириковой, впрочем, не задалась, и в 2015 году она эмигрировала в Эстонию, где продолжает заниматься экологическим активизмом локального масштаба.

Чем показателен конфликт вокруг Химкинского леса? В него оказались включены все, можно сказать, хрестоматийные акторы подобных конфликтов:

- недовольные местные жители;
- местные чиновники, не интересующиеся мнением тех, чьи интересы должны защищать;
- экоактивисты различных направлений;
- политические силы разной направленности;
- деятели культуры и представители медиасреды;
- ну и высшая власть в лице президента некоего «добробога бариона», который «всех рассудил» и решил этот конфликт.

Впрочем, такая хрестоматийная ситуация ближе к пиару и политехнологиям, чем к реальным разрешениям конфликтов и их профилактики.

Мусорные протесты

В 2010-е наиболее актуальной экологической проблемой в РФ стал так называемый «мусорный кризис». Речь идет в первую очередь о переработке твердых коммунальных отходов (ТКО) – предметов и/или товаров, потерявших потребительские свойства; ТКО делятся на *биологические* (пищевые отходы) и *бытовой мусор* (небиологические отходы искусственного или естественного происхождения). С 2017 года количество акций протеста и их участников постоянно растет, а 16 процентов населения России считают мусорные свалки одной из наиболее острых экологических проблем в стране. При этом в обществе возникло недоверие к любым проектам, направленным на реше-

ние проблемы ТКО. И в первую очередь это недоверие связано с недостаточным информированием населения о преимуществах и недостатках тех или иных проектов, их безопасности для жителей.

География «мусорных конфликтов» обширна: в 2019 году протесты под лозунгом «Россия – не помойка» прошли в 30 регионах России, среди которых Подмосковье (Клин – Алексинский карьер, Волоколамск – полигон «Ядрово»), Ленинградская область (мусорный полигон «Красный бор»), Республика Коми, Татарстан, Архангельская область и т.д.

Конфликт вокруг строительства ЭкоТехнопарка «Шиес» в Архангельской области вообще стал в 2019 году символом «мусорных войн» в РФ.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVII. Шиес

В июне 2018 года местные жители случайно обнаружили в лесу возле железнодорожной станции Шиес стройплощадку и технику. Незадолго до этого возле станции началось строительство твердых платформ, также было вырублено около 1 га леса. Выяснилось, что строится мусорный полигон, предназначенный для твердых бытовых отходов, вывозимых из Москвы. Активисты были уверены, что поскольку ЭкоТехноПарк строится в болотистой местности, то его строительство и дальнейшее функционирование представляет опасность для жителей региона, поскольку приведет к загрязнению поверхностных и подземных источников воды.

В конце 2018 года активисты поставили рядом со стройкой первый вагончик для круглосуточных дежурств, на которые приезжали люди из близлежащих поселений и даже из всего региона. Постепенно лагерь протестующих разрастался и появлялись все новые посты, а сама локальная акция жителей превратилась в символ «антимусорных» выступлений по всей стране. По данным Левада-центра, 95 процентов жителей Архангельской области выступила против строительства полигона, 25% – были готовы принимать участие в несанкционированных властями акциях протеста. В администрацию президента РФ было подано свыше 60 тыс. подписей с требованием учесть мнение граждан и прекратить строительство ЭкоТехноПарка.

Протест местных жителей вышел за пределы региона – его поддержали по всей стране. Акции в поддержку жителей Шиеса прошли в 30 регионах России.

Местные власти поначалу хотели замолчать конфликт, однако эта стратегия не только оказалась неэффективной, но и наоборот сработала против них: сотни людей начали распространять информацию о происходящем вокруг Шиеса через социальные сети, и конфликт быстро попал в федеральную и иностранную прессу. Дошел до президента России Владимира Путина, который дал правительству распоряжение разобраться со строительством мусорного полигона, учитывая мнение местных жителей. «Москва не может мусором зарастать, это десятиmillionный город. Но и в других регионах не нужно создавать проблем. В любом случае это должно быть в диалоге с людьми, которые там живут. Я обязательно поговорю и с руководителем области, и Сергеем Семеновичем Собяниным. Они не могут решать это келейно, не спрашивая мнения людей, которые проживают в непосредственной близости от этих полигонов», – заявил Путин на медиафоруме ОНФ.

9 января 2020 года Арбитражный суд Архангельской области по иску администрации Урдомы признал постройки полигона Шиес незаконными.

Основными причинами «мусорных протестов» в Шиесе, так же, как и во всей являются:

- Прямая угроза для жизни и здоровья или, по крайней мере убежденность граждан в этой угрозе;
- Отсутствие видимых действий власти и бизнеса для решения экологической проблемы;
- Падение авторитета власти и доверия к ней;
- Отсутствие сбалансированной информации о необходимости строительства мусорных полигонов, рисках и выгодах (например, появление новых рабочих мест) для населения;
- Общее ухудшение жизненных условий.

А конфликтогенность мусорных протестов усиливается в связи с неумением властей вести переговоры с активными группами протестующих. Власти предпочитают срывать мероприятия, запугивать их участников, обвинять их в «недостаточном патриотизме», выполнении чьих-то заказов, что только озлобляет протестующих и провоцирует эскалацию конфликта, превращая его из локального экологического в политический. И это, притом, что в экологических протестах, как правило, принимают участие люди разных убеждений, связанные исключительно желанием защитить свое гарантированное Конституцией право на благоприятную окружающую среду. В чем же выход? Об этом дальше.

III. Медиация городских конфликтов

Публичные слушания

В современной России по сути единственным внесудебным правовым механизмом разрешения городских конфликтов являются публичные слушания, необходимость проведения которых при решении вопросов градостроительной деятельности предусмотрена целым рядом статей действующего Градостроительного кодекса Российской Федерации. Положения Градостроительного кодекса, устанавливающие вопросы обязательного проведения публичных слушаний при выработке конкретных градостроительных решений, либо изменения уже существующих градостроительных решений направлены на обеспече-

ние комфортной среды обитания, комплексного учета потребностей населения и территорий в развитии и необходимы для согласования государственных, общественных и частных интересов в градостроительной деятельности для обеспечения благоприятных условий проживания.

Однако проблемы технологии проведения публичных слушаний, специфика их организации, а также характер решений, которые на них принимаются, приводят к тому, что вместо предполагаемого законодателем инструмента предотвращения конфликтов, поиска взаимоприемлемых решений публичные слушания превратились в механизм чисто формальный, зачастую лишь усугубляющий имеющиеся у участников конфликта разногласия. На практике это выглядит следующим образом:

- Муниципалитет не информирует жителей ни о проведении общественных слушаний, ни о сути предлагаемого к обсуждению проекта.

- Слушания назначаются на неудобное для граждан время – известен случай, когда слушания проводились в 9 утра 1 сентября – в местах, куда жителям спорных территорий трудно добираться.

- Вместо жителей, заинтересованных в том или ином развитии пространства вокруг собственного дома, привозят специально нанятых людей, которые изображают жителей. В настоящее время даже существуют фирмы, которые занимаются набором «участников слушаний», голосующих за выгодные власти и бизнесу решения.

Как сознательным жителям принять участие в публичных слушаниях и разобраться с информацией о предполагаемом развитии территории, проектах и т.д.?

Помимо уже упомянутого портала «Активный гражданин» в Москве, нужно следить за информацией, публикуемой в муниципальных газетах, на сайтах префектур, на стендах в органах власти. Выходом для граждан стало бы создание по каждому проекту отдельной страницы в интернете, однако органы власти и бизнес редко заинтересованы в вовлечении заинтересованных жителей в качественное обсуждение своих проектов, *коллаборативное планирование*.

Однако даже если местным жителям удалось получить информацию о строительстве того или иного объекта, их успех на публичных слушаниях вовсе не гарантирован.

ПРИЛОЖЕНИЕ XVIII. «МортонГрад»

В 2014 Градостроительный совет Московской области и губернатор МО одобрили концепцию строительства жилого комплекса «МортонГрад Ильинское-Усово» – рядом с музеем-усадьбой «Архангельское» на площади 215 га должен был появиться многоэтажный жилой комплекс на 62 тыс. человек. Это решение вызвало беспрецедентный для МО протест местных жителей – никому не хотелось такой нагрузки на инфраструктуру и появления такого количества новых соседей. Поэтому губернатору МО, а также в надзорные органы были направлены тысячи обращений с требованием отозвать согласование незаконного и нарушающего права жителей проекта. С жителями были согласны и экспертные организации и специалисты в области экологии (в т.ч. Greenpeace), градостроительства, охраны культурного наследия и т.д.

27 декабря 2014 года жители массово пришли на публичные слушания по проекту «МортонГрада» и заявили о своем однозначном неприятии данного проекта. Сами же слушания прошли с многочисленными нарушениями: еще до их начала автобусами привезли «специально обученных людей», которые заняли все места в зале ДК «Луч», в это же время полицейские блокировали входы в зал для настоящих жителей, оставляя их мерзнуть на улице. Несмотря на препятствия, жителям удалось прорваться в зал и выразить свое мнение – слушания продолжались более девяти часов.

По результатам публичных слушаний администрацией сельского поселения Ильинское было принято противоречащее закону решение направить проект планировки «МортонГрада» на доработку, не отклоняя его, чтобы избежать повторных публичных слушаний после доработки проекта.

Несмотря на протесты жителей, обращения в суды и неоднократные приостановки согласования проекта, противостояние жителей и власти продолжается до сих пор.

Впрочем, даже если слушания прошли без нарушений, их результаты, с юридической точки зрения, всегда носят только рекомендательный характер. Это обстоятельство приводит к тому, что мнение местного сообщества просто игнорируется, либо учитывается лишь в мелочах, вне зависимости от того, сколько местных жителей отрицательно высказались о возможности реализации конкретного градостроительного проекта. Примеров такого рода множество. Скорее как раз единичны обратные примеры: когда проект, открыто не поддер-

жанный местным сообществом, был отклонен или хотя бы качественно видоизменен. В связи с этим понятно отношение сторон конфликта к самому этому механизму: они воспринимают его как исключительно *имитационный* механизм, не нацеленный на действительное разрешение конфликта, поиск консенсуса и сближение позиций конфликтующих сторон.

И хотя в принципах и требованиях Градостроительного кодекса РФ безусловно заложена определенная логика взаимодействия всех субъектов градостроительной детальности, которая способствует минимизации ГК в России через общественные слушания. Однако на деле публичные слушания превращаются в арену жесткой войны между гражданами и строителями. Публичные слушания в сегодняшнем виде – неэффективны.

Ну а что может быть эффективным? Что позволит учитывать и удовлетворять интересы всех заинтересованных сторон в городских конфликтах?

И тут на помощь гражданам, власти и бизнесу должны придти конфликтологи – и в качестве экспертов, определяющих конфликтность того или иного проекта, и как медиаторы, способные разрешать конфликтные ситуации, не доводя их до стадии собственно конфликта.

Профилактика ГК

Понятие **профилактики** (от греческого *prophylaktikos* – предохранительный) подразумевает комплекс мероприятий, направленных на предотвращение негативного явления как такового или устранение факторов, способствующих его проявлению. Городской конфликт действительно гораздо проще предупредить, чем впоследствии отвлекать значительные ресурсы на его разрешение, даже если итоговое решение будет признано сторонами эффективным, удовлетворит их интересы.

Профилактика городских конфликтов состоит в такой организации взаимодействия субъектов, которая сведет к минимуму вероятность возникновения конфликтной ситуации.

Важная особенность ГК еще и в том, что состав его субъектов всегда известен еще до того, как все его будущие субъекты осознали реальную конфликтность ситуации и перешли к конфликтным действиям. Это обстоятельство серьезно упрощает работу специалистов по управлению ГК.

Однако не следует забывать, что градостроительные конфликты почти всегда затрагивают интересы больших по численности групп

людей. Такие группы (особенно когда речь идет о таком субъекте, как локальное сообщество) склонны структурироваться в подгруппы, интересы которых могут не просто существенным образом отличаться, но и стать причиной появления внутри субъектных конфликтов. Например, в ситуации точечной застройки среди недовольных могут существовать несколько подгрупп, у каждой из которых свои опасения и интересы: автомобилисты, которым важно сохранить, а то и преумножить парковочные количество парковочных мест; молодые родители, которым важно удобное место для прогулок с детьми; предприниматели, которым не нужна конкуренция со стороны новых магазинов, химчисток и аптек шаговой доступности и т.д. При этом каждая из этих групп может получить компенсацию – молодые матери более комфортабельную детскую площадку, автомобилисты – увеличение парковочных мест за счет строительства нового паркинга, предприниматели – новых клиентов и т.д. Так что работу специалистам по управлению конфликтами необходимо вести с каждой из подгрупп недовольных и – по возможности, учитывать конкретные интересы и пожелания каждой из них. Нужно сознавать, что при отсутствии достаточной информации о том или ином проекте опасение, да и пожелания жителей могут быть самыми неожиданными и даже фантастическими.

Кроме того по поводу каждого градостроительного проекта существует и мнение профессионального сообщества: архитекторов, инженеров, экологов, краеведов и других экспертов. Они могут быть до разной степени вовлечены в игры бизнеса и власти и выдавать свои заключения не только в интересах населения обустраиваемой территории. И тут, конечно, очень пригодились бы принципы коллаборативного планирования: владеющие информацией жителей нанимают собственную группу консультантов и экспертов и получают независимое заключение, а то и альтернативный предложенному проект застройки.

Как правило, ГК очень публичны, проходят при активном освещении средств массовой информации самого разного толка, при участии внешних акторов (представителей общественных организаций, оппозиционных политических партий, правозащитных движений и т.п.). Все эти обстоятельства, действуя совокупно, оказывают на конфликт и его развитие не меньшее влияние, чем непосредственно конфликтные действия его сторон и существенно затрудняют работу исследователей и специалистов по управлению городскими конфликтами.

Теоретически самым эффективным способом предупреждения ГК явилось бы устранение его причин. Следует признать, однако, что

на практике этот способ вряд ли возможен. Строительство и другие изменения городской среды являются объективно необходимыми, кроме того, для реализации крупных строительных проектов привлекаются людские и финансовые ресурсы. Прекратить начатый девелоперский проект в силу того, что он является фактором конфликтности (а любой проект, как мы говорили выше, будет таковым), застройщик объективно не в состоянии, поскольку это означает для него серьезные репутационные и, что не менее важно, финансовые потери, вплоть до банкротства. Такое развитие ситуации безусловно негативно отразится не только на самом застройщике, но и на его контрагентах и работниках, вызовет своего рода цепную экономическую реакцию и, следовательно, породит целый комплекс конфликтов. Следовательно, говорить об эффективности применения этого способа не приходится.

А вот налаживание эффективного взаимодействия, необходимой коммуникации между субъектами конфликта является важными превентивными мерами, которые не следует недооценивать. Исследователи выделяют несколько способов, помогающих поддерживать сотрудничество, которые могут быть применены в сфере ГК:

Способ	Содержание способа
Согласие	Вовлечение противной стороны в совместную деятельность
Практическая эмпатия	«Вхождение» в положение противной стороны, объективная оценка ее трудностей
Сохранение репутации участника конфликта	Уважительное отношение к противной стороне

Очевидно, что все факторы, которые работают на сохранение нормальных деловых, человеческих отношений между участниками ГК, на укрепление их взаимного доверия, одновременно работают и против самого конфликта, тем самым предупреждая его возникновение. Важно также понимать, что профилактика в сфере ГК не должна быть узконаправленной, а должна вестись по всем существенным направлениям.

Отражение городских конфликтов в социальных сетях и их профилактика

Как известно, основным средством массовой информации и коммуникации в последние годы стали социальные сети. В них люди обмениваются самой разнообразной информацией, обсуждают наибо-

лее резонансные события, делятся событиями из своей жизни, организуются в группы по интересам и т.д. Более того, о многих событиях, не являющихся повесткой официальных СМИ, становится известно только благодаря соцсетям. Все знают и так или иначе принимают участие в организованных через социальные сети сборах средств на лечение, устройстве домашних животных, поисках пропавших людей, информировании о концертах и других культурных и социальных мероприятиях. В принципе, используя «теорию шести рукопожатий» с помощью социальных сетей можно найти что угодно и кого угодно. Другое дело, что информация эта зачастую оказывается непроверенной, неадекватной или вообще не соответствующей действительности. У всех в памяти ужасающие сообщения от якобы хорошо осведомленных людей, наполняющие социальные сети во время катастроф, терактов и других трагических событий. Всегда находится кто-то, кто выкладывает «информацию» со ссылкой на заслуживающий доверия источник. Например, в первые часы после пожара в кемеровском торговоразвлекательном центре «Зимняя вишня» (27 марта 2018 года) в Интернете появились аудиозаписи переговоров неназванных «сотрудников МЧС», говоривших о 300–400 погибших и подготовке 200 свежих могил (по официальным данным, тогда погибли 60 человек). Эти аудиозаписи мгновенно распространились по социальным сетям. Позже выяснилось, что по крайней мере одна из этих записей была поддельной – ее создал пранкер, изображавший сотрудника МЧС. Тем не менее вызвать панику и недоверие к официальной информации с помощью этих аудиозаписей удалось.

Поскольку в социальных сетях существует свободный, мало чем ограниченный обмен мнениями, среда эта чрезвычайно конфликтогенна. Любое сообщение или мнение может вызвать цепную реакцию в виде оскорблений участников дискуссии, перехода от сугубо частной темы к глобальной и наоборот проблема общего характера может в любой момент перейти в сферу личных обид.

Городские конфликты являются в этом контексте крайне показательными. В соцсетях существует «вечные» темы для того, что принято называть сленговым словом «хайп», означающим в данном случае недружественную дискуссию. К таким вечным конфликтам на тему жизни в мегаполисе относятся:

- проблемы содержания в городе домашних животных, отношение к диким животным;
- работа коммунальных служб;
- курение в общественных местах;

- парковка во дворах;
 - велосипедисты vs. автомобилисты;
 - поведение детей и их родителей в ресторанах и музеях и других общественных местах;
 - открытие и закрытие торговых точек;
 - цены на аренду жилья;
 - вырубка деревьев во дворах;
 - сбор мусора;
 - изменения маршрутов общественного транспорта;
 - снос исторических зданий и строительство на их месте новых
- И т.п.

При желании любая тема, так или иначе касающаяся жизни в городе, может стать предметом бурного и, как правило, вовсе не конструктивного обсуждения. Как уже было сказано выше, городская жизнь конфликтна по своей природе – всегда находятся те или иные недовольные существующей ситуацией или наоборот ее изменением. При этом в каждом городском конфликте существуют по меньшей мере три стороны – власти, бизнес и население. Обсуждение этих конфликтов в социальных сетях, с одной стороны, дает возможность участникам пусть даже самых недружественных дискуссий высказаться на волнующие их темы, с другой – показывает их отношение к той или иной инициативе власти или бизнеса, с третьей – демонстрирует истинные интересы участников «хайпа» («Конечно, я против парковок во дворах, но конкретно в нашем дворе парковка никому не мешает»; «Мини-маркеты формата «24 часа» торгуют некачественными продуктами и разводят антисанитарию, но не ходить же мне за сигаретами и питьевой водой к метро»; «В городе должно быть больше качественного жилья, но не вместо нашего сквера» и т.д.) и позволяют конфликтологу выяснить, какие конфликты существуют внутри населения той или иной территории, а также наметить способы их профилактики и разрешения. Таким образом социальные сети могут служить индикатором настроений, давать более развернутую и в то же время глубокую панораму городских проблем, чем просто опросы населения; а их изучение служить важным подготовительным этапом в разработке анкет и планов встреч с населением. Другое дело, что обсуждение проблем в соцсетях зачастую носит общий, не касающийся проблем конкретной территории или конкретного объекта, характер. Кроме того, инициаторами и/или активными участниками дискуссий там могут являться специально нанятые властью или предпринимателями люди, которые изо всех сил будут навязать свое мнение и пытаться нейтрализовать или наоборот эскалировать конфликт в пользу своих заказчиков.

Куда более перспективным для профилактики, исследования и медиации конкретных городских конфликтов представляется изучение **локальных территориальных групп в социальных сетях**. Именно в них обсуждаются проблемы той или иной территории.

Социологи разграничивают «соседское» и «гражданское» взаимодействие в социальных сетях (Павлов А.В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между соседской и гражданской коммуникацией» Лабиринт № 5, 2016). *Соседский* режим коммуникации локальных сетевых сообществ можно соотнести с «тротуарными разговорами», понятием предложенным американкой Дж. Джейкобс в ее работе «Смерть и жизнь больших американских городов». Джейкобс понимает под этими разговорами множество «мимолетных публичных контактов на локальном уровне – в большинстве своем случайных, связанных с заботами дня, неизменно дозируемых самими участниками, которым никто ничего не навязывает». Например, обмен репликами о плохой уборке снега или информирование друг друга об открытии недорогой новой парикмахерской, предложение взять котят и т.д. Джейкобс считает, что подобные коммуникации между едва знакомыми или вовсе не знакомыми людьми повышают взаимное доверие горожан и качество городской жизни, но не предполагают обязательного существования крепких соседских связей.

То же самое происходит и в локальных сетевых сообществах, которые могут насчитывать тысячи участников (например, у петербургского ФБ-сообщества жителей Петроградской стороны «Петроградская диаспора» 5890 участников, а у аналогичного сообщества жителей центра СПб «Пять углов» – 3404), большинство из которых не знакомы лично и не испытывают потребности в подобном знакомстве.

Помимо повышения уровня взаимного доверия горожан, подобные сообщества имеют и другую важную функцию – они становятся одним из способов производства локальности, символического пространства: границ, не всегда совпадающих с административным делением, проблем и бытовых практик. Например, обсуждение качества школ района, съем и сдача жилья в аренду, предложение услуг различных услуг от ремонта компьютерной техники до бэбиситтерства и выгула домашних животных. Кафе, салоны красоты, мастерские по ремонту велосипедов и т.д. предлагают участникам локального сетевого сообщества скидки или бонусы. Кроме того, можно «из первых рук» узнать, впечатления о качестве той или иной услуги, времени, когда в МФЦ или другом государственном учреждении меньше всего посетителей и т.д. Также такие сообщества заняты повышением символиче-

ского значения местности, гордости за свою территориальную принадлежность. Для этого модераторы и участники сообществ придумывают или актуализируют локальные коды, понятные только им – называют улицы и кафе сленговыми, а не официальными названиями, сочиняют истории, скажем, о том, что встретить на улице определенную собаку – к счастью и т.д. Иногда особо активные участники подобных сообщество пытаются перенести «соседский» режим общения из онлайн- в оффлайн-коммуникацию – назначают встречи в кафе, пытаются создавать клубы по интересам (изучение иностранного языка, кулинарии, совместный досуг с детьми и пр.), как правило, эти попытки не имеют успеха. Соседское сетевое общение оказывается продуктивным и удобным только в сети.

Гражданский режим коммуникации является другим уровнем взаимодействия в локальных сетевых сообществах. Он возникает в ситуациях, когда просто разговоров и соседских советов оказывается недостаточно. Прежде всего, речь идет о ситуациях оспаривания городского пространства – например, градостроительных конфликтах между местными жителями и городскими властями или бизнес-структурами. Более того, в этом случае становится практически невозможно провести границу между «онлайн-сообществами» и «сообществами онлайн», поскольку подобные сообщества всегда являются «сообществами практики», для которых характерны общие интересы и стремление к коллективным действиям – например, защищать деревья во дворе от вырубки или объявить бойкот магазину, продающему алкоголь и сигареты несовершеннолетним.

Помимо этого, члены подобных сообществ должны располагать набором ресурсов, которые помогают им справиться с общими проблемами. Такими ресурсами могут выступать, например, доступ к СМИ, знакомство с политиками, правовая грамотность, общая память или владение «локальным знанием». Локальные сетевые площадки также можно рассматривать как дополнительный ресурс «сообществ практики», который помогает их участникам делиться друг с другом «локальным знанием», доводить информацию о локальных проблемах до более широкой аудитории, повышать свою политическую и правовую грамотность и – самое главное – координировать свои действия по защите городского пространства (от сбора средств на юридическую помощь до организации акций протеста).

Разумеется, ситуация перехода от «соседских» разговоров городских жителей к обсуждению общих интересов и коллективным действиям в их защиту не является специфической лишь для сетевого об-

шения, однако в последнее время она вытесняет традиционные офлайн-формы – обход соседей, сбор подписей, телефонные разговоры, объявления в подъездах и подворотнях, обращения в СМИ – теперь информация о самой проблеме или/и связанных с ней акциях и публичных слушаниях приходит к равнодушным гражданам прямо на мобильные устройства, а сотрудники СМИ сами проводят мониторинг локальных групп для поиска новых городских информповодов. Рассмотрим в качестве примера координации протеста через сообщество «Петроградская диаспора» ситуацию с домом Басевича в Петроградском районе Санкт-Петербурга.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIX. Дом Басевича

Локальное сетевое сообщество (закрытая группа в Фейсбуке) Петроградская диаспора» и градозащитное движение «Живой город» уже не первый год борются за сохранение доходного дома Басевича – жилого здания на Большой Пушкарской улице, 7, построенного в 1912 году по проекту архитектора Алексея Зазерского при участии владельца здания, инженера Иссахара Басевича. После окончания строительства там «поселилась» его строительно-техническая контора.

Здание представляет собой образец стиля модерн, внесено в список историка архитектуры Бориса Кирикова «Сто домов петербургского модерна». При его строительстве были применены уникальные для того времени технологии. У здания сложная система дворов и оригинальное внутреннее убранство. В советское время многокомнатные квартиры дома Басевича превратились в огромные многонаселенные коммуналки. В начале 2000-х коммуналки расселили и несколько лет дом простоял заброшенным. Там ночевали бездомные и периодически происходили пожары. С тех пор здание находится в аварийном состоянии.

В 2011 году городские власти дом Басевича включили в программу «Молодежи – доступное жилье», готовились провести там ремонт. Однако в 2014 году Борис Эйфман, художественный руководитель Театра балета Бориса Эйфмана и Академии балета Бориса Эйфмана, обратился к губернатору Санкт-Петербурга Георгию Полтавченко с просьбой передать дом на Большой Пушкарской, 7, его Академии танца под общежитие. Ранее Театру и Академии Бориса Эйфмана уже были переданы два объекта недвижимости на Петроградской стороне (один из самых дорогих районов Санкт-Петербурга) – здание школы и детского сада, находящие почти напротив дома Басевича. В планах народного артиста России было превращение этой части Большой Пушкарской улицы в новое культурное пространство. «Для Эйфмана уже строится неподалеку, на Ватном острове, Дворец танца, у него есть новое здание на улице Лизы Чайкиной, ради которого и так уже был снесен один старинный дом, у него есть Детский театр танца в здании бывшей школы совсем рядом, на Введенской, 3, все вместе это целый квартал, но ему мало», – написала в своей крайне эмоциональной статье «Петербург разрушают мастера культуры?» журналистка Татьяна Вольская. Этот текст появился почти во всех градозащитных и локальных сетевых сообществах Санкт-Петербурга. Незадолго до этого, 1 февраля 2020 года, прошла акция против сноса дома Басевича.

Проект общежития Академии балета Эйфмана и апартаментов для артистов его Театра танца предполагал снос здания, а затем восстановление его лицевого фасада. Проектирование доверили ООО «Проектная культура» – бывшей мастерской главного архитектора Петербурга – главы КГА Владимира Григорьева (по данным «Канонера», ООО «Архитектурное бюро „Студия 44“», которое проектировало академию, решило более не работать с Борисом Эйфманом). Из документации следует, что старинное здание решено снести. «Проектом предусмотрено восстановление лицевого фасада и изменение конфигурации и фасадных решений дворовых корпусов, не воспринимаемых с открытых городских пространств», – говорится в бумагах.

На картинках «Проектной культуры» видно, что вместо нынешнего колодца будет более крупный двор, открытый на северо-восток. Высота дворового корпуса будет достигать семи этажей (вместо нынешних пяти).

Градозащитников и участников сообщества «Петроградская диаспора» подобные планы возмутили. Дело в том, что аутентичность зданий в стиле модерн – важная эстетическая составляющая улиц Петроградской стороны, а возможность проживания в них (и рядом с ними) – важная часть идентичности жителей Петроградской. С одной стороны, в отличие от многих других петербургских домов исторической застройки эти здания достаточно комфортны с бытовой точки зрения – центральное отопление, большие ваннные комнаты и туалеты, большие окна, высокие потолки – и приспособлены под нужды современного человека, с другой – квартиры в подобных домах, как правило, обладают оригинальным аутентичным интерьером и декором (камины, изразцы, рамы), что приносит жителям квартир эстетическое удовольствие и повышает их социальный статус. Поэтому создание так называемых «новоделов» вместо исторических домов возмущает жителей Петроградской. Кроме того, в сообществе высказываются подозрения о том, что общежитие для учеников балетного интерната останется только в проектной документации, а на самом деле в доме будут построены элитные квартиры, которые затем будут проданы. Разумеется, это только предположение, но участники сообщества «Петроградская диаспора» обсуждают подобные подозрения всерьез. Незначительная часть членов «Петроградской диаспоры» считает планы по сносу дома Басевича вполне адекватным соображениям гигиены и коллективной безопасности. И все равно около ста участников сообщества вышли 1 февраля к дому Басевича и организовали там флешмоб «Живая цепочка» – взявшись за руки встали возле дома. Акция прошла мирно, но

ее участники в частных разговорах признавали, что в случае разрушения дома готовы перейти к более активным действиям, правда, не уточняли, каким.

После флешмоба и активных выступлений в защиту дома Басевича компания «Проектная культура» забрала на доработку эскизный проект здания на Большой Пушкарской улице, 7, в котором будут размещены апартаменты для артистов театра Бориса Эйфмана. Об этом 4 февраля сообщил Комитет по охране памятников. Однако граждане продолжают следить за развитием событий вокруг дома.

Следует отметить, что к защите дома Басевича пытались подключиться и оппозиционные депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга – они традиционно выступают против любых градостроительных инициатив властей и бизнеса (снос СКК, защита «Дома с Мефистофелем», выступления против строительства Новой сцены Мариинского театра), – но не нашли понимания у членов «Петроградской диаспоры»: ее участники хотят проявлять свою гражданскую активность сугубо по-соседски и не хотят вмешиваться в чьи-либо политические игры и интриги. Это вообще характерная черта гражданской активности «по-соседски», в большинстве локальных территориальных сообществ не приветствуется (а в некоторых жестко модерируются – уничтожаются, а их авторов могут лишиться права что-либо писать и комментировать) какая-либо политизация городских проблем и конфликтов. Все должно происходить строго и по делу, без агитации, да и политические воззрения друг друга участников подобных групп не интересуют. Конфликтологам и медиаторам обязательно нужно учитывать это при изучении локальных сетевых сообществ и работе с их участниками.

Прогнозирование ГК

Не менее важным фактором, позволяющим эффективно регулировать противоречия, является **прогнозирование** городского конфликта. По своей сути оно состоит в применении методик и приемов, которые позволяют из имеющейся объективной информации сделать вывод о возможном будущем возникновении конфликтов и, зачастую, особенностях их динамики. Прогнозирование использует имеющийся методологический и эмпирический опыт, обращается к научным достижениям в сфере диагностики противоречий. Любой ГК является ситуацией неопределенности. Именно поэтому прогнозирование оказывается настолько важным: оно позволяет качественно скорректировать степень неопределенности, повысить уже на начальной стадии вероят-

ность эффективного управления городским конфликтом и его последующее оперативное разрешение. В то же время – чем более значительная ошибка была допущена в прогнозе развития конкретного ГК, тем ниже эффективность управления им. Более того, ошибочное прогнозирование может привести в итоге не к разрешению конфликта, а к его углублению.

Нередко конфликтные ситуации возникают в связи с недостаточным уровнем информированности населения, а также с отсутствием механизмов, которые позволили бы услышать точку зрения местного сообщества, предполагали бы ее реальный учет. При этом сами горожане, как правило, осознают свою исключенность не только из процесса принятия решений, но даже и из идущих дискуссий относительно возможных целей и форм развития городского пространства. Это обстоятельство, разумеется, является дополнительным конфликтогенным фактором. В условиях дефицита легитимных и эффективных способов борьбы за городское пространство горожане зачастую вынуждены обращаться к инструментам публичного протеста и использовать демонизированный образ оппонента как ресурс солидаризации локального сообщества и легитимизации своих требований в глазах общественности.

Иногда в освоении и преобразования городского пространства возникают предложения, которые конфликтогенность которых видна невооруженным глазом даже неспециалистам. Например, в декабре 2019 года Санкт-Петербургская епархия Русской Православной церкви предложила «вернуть на историческое место» памятник императору Александру III скульптора А. Демут-Малиновского, ныне находящийся во дворе Мраморного дворца. Идея, конечно, замечательная, которую многие петербуржцы с удовольствием бы поддержали. Однако в настоящее время на «историческом месте» – площади Восстания (бывш. Знаменская) находится стела, посвященная 45-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, которую предлагают перенести на площадь Мужества на северо-западе Петербурга. Понятно, что идея подобного переноса может вызвать негативную реакцию у самых разных групп горожан: кто-то сочтет его неуважением к памяти ветеранов; кто-то увидит нежелание возвращаться к историческому облику города; кого-то возмутит сама полемика (церковь всегда права); кто-то подсчитает грядущие финансовые вложения и потери от транспортных неудобств и т.д. Словом, при должной медийной поддержке эту ситуацию можно развить до полноценного, но равным счетом никому не нужного, городского конфликта. Как же избегать подобных конфликтов и как решать их, если они уже возникли? Наиболее удобным и во

всех отношениях выгодным ответом на этот вопрос является **медиация – досудебное урегулирование споров с участием нейтральной стороны, собственно медиатора.**

Правовые основания медиации

Очевидно, что правовое регулирование разрешения городских конфликтов требует новых подходов. Представляется необходимым развивать специализированные правовые институты, например, на законодательном уровне прописать обязанность «сопровождать» каждый ГК специалистами из числа профессиональных конфликтологов, социальных психологов, социальных медиаторов.

Отчасти эти подходы сформулированы в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В соответствии с положениями статьи 1 названного закона, он **разработан в целях создания правовых условий для применения в нашей стране альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора, содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.**

Впрочем, здесь возникает правомерный вопрос: насколько вообще возможно применение процедуры медиации к градостроительным конфликтам. В соответствии с частями 2, 3 и 5 статьи 1 названного закона он регулирует отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. При этом если такие споры (конфликты) возникли из иных правоотношений, нормы закона о медиации могут быть применены исключительно в случаях, когда это прямо предписано соответствующим профильным законодательством. Кроме того, процедура медиации не может быть применена к коллективным спорам, а также к спорам, в которых затрагиваются права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы.

Таким образом круг отношений, подразумевающих возможность применения к возникающим из них конфликтам процедуры медиации, ограничен на законодательном уровне. Причем конфликты, вытекающие из градостроительной деятельности, или деятельности по территориальному планированию, в этом перечне отсутствуют. С другой сто-

роны, формулировки, которыми оперирует указанный федеральный закон, очевидно требуют детализации. В частности, законодатель разделяет такие понятия, как «применение медиации» и «применение законодательства о медиации», то есть предполагая возможным применение медиативных процедур вне сферы действия регулирования данного закона. Это касается и самого перечня вопросов, исключенных из сферы действия этого законодательного акта: перечень этот крайне расплывчат и внутренне противоречив, а исключения не выглядят обоснованными даже с логической точки зрения.

Таким образом, справедливо и обоснованно полагать, что необходимые основания (в том числе – основания правовые) для проведения процедуры медиации при разрешении ГК имеются, хоть, повторим, с юридической точки зрения эти вопросы продолжают нуждаться в уточнении и регламентации.

Не стоит серьезно говорить о том, что существуют или могут существовать методики работы, полностью исключаящие городские конфликты. Необходимые мероприятия по реализации многоуровневых программ обновления любого города объективно требуют максимальной концентрации разрозненных ресурсов и детерминируют рост напряженности между групповыми и индивидуальными интересами.

Разумеется, противостояния будут существовать всегда и повсеместно, поскольку комплексное освоение новой территории – неизбежно связано с разрушением устоявшихся социальных стереотипов и привычек данной локальной социальной группы. То есть конфликт как таковой заложен в самой природе городской жизни. Отметим в то же время, что нередко такие конфликты стимулируют власть для решения некоторых общих проблем путем, например, разработки и принятия новых законов, исключающих возможность повторения конфликтных ситуаций.

Между тем институт медиации давно и эффективно применяется в Европе и Америке, существует множество примеров успешного урегулирования конфликтов, в том числе социальных. Например, власти города Карлсруэ (Германия) в свое время были вынуждены прокладывать линию метрополитена по поверхности земли, в связи с чем подлежали сносу расположенные на этом земельном участке объекты. Городские власти заранее привлекли к этому проекту фирму-медиатора, которая договаривалась с собственниками по всем вопросам, связанным с будущим строительством, в том числе определяла размер компенсаций из бюджета города. В итоге проект был реализован без каких-либо протестных выступлений со стороны собственников.

В любом случае конфликт не должен переходить в агрессивную стадию. На этом этапе призвать стороны к диалогу практически невозможно и сам конфликт развивается по неуправляемому сценарию. В условиях современной российской действительности и общей низкой культуры участия в конфликтах и управления ими ждать от сторон конфликта такого «дипломатичного» поведения было бы, конечно, излишне. Актуальным становится вопрос определения модератора конфликта, то есть такой силы, которая, с одной стороны, не является участником конфликта и не связана ни с одним из участников, а с другой – обладает необходимыми знаниями, умениями и технологиями для управления ситуацией и исключения ее перехода в упомянутую агрессивную стадию.

Медиация имеет существенные преимущества перед традиционными формами урегулирования конфликтов вообще и конфликтов градостроительных – в частности. Самое важное: медиация позволяет **выявить истинные интересы участников конфликта, сформулировать их. Это позволяет запустить процесс выявления принципиальных и факультативных различий интересов участников конфликта**, определить их возможные общности и, через все описанные механизмы, создать участникам конфликта необходимые формы взаимоотношений, которые способствовали бы трансформации конфронтации во взаимовыгодное сотрудничество, построенное на позитивных началах. Медиация всегда исходит из того, что какими бы непреодолимыми не казались существующие противоречия между сторонами конфликта, у них существует реальная возможность сохранить партнерские отношения и найти актуальные формы совместной деятельности. Именно такой позитивистский подход выгодно отделяет медиацию от традиционных способов разрешения конфликта, которые в ряде случаев в силу ограниченности своего функционала не могут снять остроту вопроса в принципе, поскольку изначально преследуют иные цели.

Для этого специалисты социологи, конфликтологи и медиаторы совместно с органами власти и местным активом должны проводить социальную диагностику территорий и выявлять возможные «болевые» точки, анализируя, где негативная реакция жителей может быть наиболее активной. В случае градостроительных или экологических конфликтов крайне важно, чтобы такая работа была проведена на этапе планирования территории, во время проведения публичных слушаний, а не во время ее застройки. Только так можно снизить уровень социальной напряженности населения и не допустить «возгорания» конфликта.

Уместно также говорить в том числе об активизации механизмов коммуникации между всеми субъектами конфликта. Большую роль здесь играет открытость местной власти, ее умение коммуницировать с населением, наличие необходимых ресурсов и технологий для такой коммуникации. В связи с этим очевидна необходимость в общественных площадках для обсуждения и урегулирования такого рода разногласий.

ПРИЛОЖЕНИЕ XX. «Ночлежка» на Беговой

В 2018 году петербургская благотворительная организация «Ночлежка» попыталась открыть прачечную для бездомных в Савеловском районе Москвы. Местные жители выступили категорически против этого проекта – они считали, что постоянное появление бездомных неподалеку от их домов ухудшит социальную среду микрорайона: бездомные будут ночевать в подъездах, выпивать на детских площадках, совершать мелкие правонарушения. После протестов жителей Савеловского района «Ночлежка» вынуждена была отказаться от своих планов.

В 2019 году «Ночлежка» решила открыть реабилитационный приют в районе Беговой в Москве. И снова столкнулась с противостоянием жителей теперь уже этого района, которые выразили опасения, аналогичные страхам жителей Савеловского района. В ответ «Ночлежка» начала кампанию в соцсетях, где выступившие против приюта жители обвинялись в социальном расизме, отсутствии эмпатии и т.д. Местные жители в свою очередь обвиняют «Ночлежку» в моральном ущербе, а также в изначально некорректной информационной политике и неправильной работе с населением: «если бы они начали иначе, то сейчас все могло быть по-другому, а теперь уже ничего не вернешь». Консенсус относительно открытия реабилитационного приюта не найден до сих пор. (По материалам журнала «Русский репортер» и соцсетей).

В описанных условиях востребованной будет и процедура медиации. Сама суть этой процедуры сводится к поиску участниками конфликта или иными заинтересованными лицами взаимовыгодного решения при содействии нейтрального лица – медиатора. Основное отличие медиации от традиционного способа разрешения спора (например, судебного) в том, что медиатор не является лицом, облеченным властью и имеющим полномочия для самостоятельного (пусть и в рамках закона) разрешения спора. При медиации стороны нацеливаются на совместную работу по поиску и принятию взаимоприемлемого решения, а медиатор выполняет необходимые функции по организации такой работы. Совместная работа всех участников городского конфликта над поиском приемлемых вариантов его решения приведет к тому, что такое решение будет именно общим и не будет основано на принципах того или иного ущемления интересов одной из сторон.

Важный момент: разрешение спора в любом случае зависит именно от сторон, конфликт не передается третьим лицам. Изложенное в полной мере соответствует тем принципам работы медиаторов, которые закреплены в российском законодательстве: добровольность участия в процедуре медиации, конфиденциальность, равноправие сторон, беспристрастность (нейтральность) медиаторов, принцип сотрудничества, открытость, взаимоуважение, ответственность.

Кроме очевидных преимуществ медиации, к которым относят возможность сэкономить время, деньги и эмоциональные силы участников конфликта, стоит отметить и ее недостатки. Так, например, действующим законодательством не предусмотрена реальная ответственность недобросовестного медиатора за нарушение, предположим, принципа конфиденциальности. Важно также понимать, что принцип добровольности распространяется не только на сами медиативные процедуры, но и на последующее выполнение заключенного участниками конфликта медиативного соглашения. По своей юридической природе такое соглашение исключает принудительность его исполнения, что, безусловно, может рассматриваться как обстоятельство, снижающее ценность медиации с точки зрения участников конфликта, традиционно относящихся друг к другу с большим недоверием и откровенной антипатией, в том числе личной.

Медиация сегодня – все еще новелла для российского общества. При этом медиация является междисциплинарной областью знания и несет колоссальный социальный потенциал, приобретающий все большую значимость на фоне вызовов современного стремительно меняющегося мироустройства. Понимание сущности медиации как обособленного и наделенного уникальными характеристиками альтернативного способа разрешения споров и, что не менее значимо, способа предотвращения и эскалации конфликтов еще недостаточно укоренилось не только в российском общественном сознании, но и среди представителей профессиональных групп, которые призваны играть ключевую роль в распространении практики применения медиации.

Техники эффективной коммуникации при медиации

Успешность переговоров с конфликтующими сторонами связана с достижением ими не только взаимопонимания, но и пониманием существа обсуждаемых проблем, а также собственных интересов и чаяний. Для этого медиатору нужно соблюдать определенные техники коммуникации.

В первую очередь нужно обладать навыками **активного (эмпатического) слушания** – понимания эмоционального состояния человека умения демонстрировать это понимание:

- Вовремя брать паузу – это дает собеседнику возможность подумать;
- Задавать открытые вопросы – то есть, вопросы, не содержащие в себе предполагаемых ответов;
- Уточнять – уточнение позволяет более подробно углубляться в важные для собеседника темы;
- Перефразировать – краткое повторение изложенного другими словами дает возможность продемонстрировать правильно или нет, медиатор понимает слова и проблемы своего собеседника, а также способствует более глубокому пониманию собеседником его проблем и желаний;
- Повторение – позволяет удерживать внимание собеседника и не позволяет ему уходить от предмета разговора;
- Развивать мысль собеседника – с одной стороны, показывает, безразличие медиатора и собеседнику и общее с ним понимание проблемы; с другой – продолжая мысль собеседника, медиатор не дает ему замкнуться и прекратить разговор.

Однако навыки активного слушания бессмысленны без непосредственного выхода в коммуникацию. Для этого нужно создать *петлю понимания* – «правильно ли я понимаю?». Услышав ответ, нужно постараться *переформулировать* негативные характеристики предметов, явлений и действий на *нейтральные*. Далее требуется вызвать реакцию *присоединения* к проблемам собеседника и *углубить ее, направив в будущее*. Ну а затем с помощью вопроса *добиться обратной связи*. На практике это может выглядеть так:

- Что это вы мне насчитали?! Это грабеж!
- Я правильно понимаю, что вас беспокоит сумма в квитанции? Я могу проверить и мы можем вместе разобраться в том, какая должна быть сумма. Как вы к этому относитесь?

«Я правильно понимаю, что вас беспокоит сумма в квитанции?» – петля понимания.

«беспокоит сумма в квитанции» – переформулирование негативного «Что вы мне насчитали? Это грабеж!» в нейтральную «сумму в квитанции».

«Я могу проверить...» – присоединение к проблеме собеседника.

«Мы можем вместе разобраться, какая должна быть сумма...» – углубление в проблему, направление ее в будущее – и в плане взаимодействия с медиатором, и в плане обозначения будущих платежей.

«Как вы к этому относитесь?» – вопрос, направленный на вызов обратной связи.

Тут очень важно следить за собеседником, его настроением и готовностью общаться, так сказать, не отпугнуть его чрезмерной напористостью. Не забывать об основных принципах медиации: добровольности, открытости, нейтральности, равенства, сотрудничества, взаимопочтения, ответственности и конфиденциальности.

Успехов в работе!

Рекомендуемая литература

1. Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. Доступ: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (проверено 18.12.2017).
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 года №190-ФЗ (в редакции на 01.01.2017 года) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2010 года №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в редакции на 01.01.2017 года) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.07.2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в редакции на 01.01.2017 года) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Анцупов, А.Я., Балаклавский, С.В. Конфликтология. Схемы и комментарии. – СПб.: Питер, 2013. – 304 с.
6. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2015. – 528 с.
7. Асланова, Л.А. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. – М.: Дом славянской книги, 2012. – 704 с.
8. Буров, В. Процедура публичных слушаний // ЭЖ – Юрист. – 2012. – №28. – С.6.
9. Вершинин, А.В. Проблема классификации конфликтов в учебной литературе по конфликтологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2014. – №170. – С.82–86.
10. Галустов, К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда – Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 7. Геология. География. – 2016. – №3. – С.163–176.
11. Демчук, А.Л. Управление экологическими конфликтами: критерии оценки эффективности // Экологическое право. – 2016. – №4. – С.37–42.
12. Егоров, В.Ю., Шишелова, С.А. Постатейный комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №190-ФЗ / под ред. А.В. Филатовой. – М.: ЭлКниги, 2012. – 544 с.
13. Трутнев, Э.К., Бандорин, Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации. – М.: Проспект, 2010. – 744 с.

14. Справка о применении судами Федерального закона от 27.07.2010 года №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год, утверждена Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.04.2015 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – №6. – Июнь 2015.
15. Иванов, О.Б., Ильинская, Ю.И. Медиация в градостроительных конфликтах // Урбанистика. – 2017. – №2. – С.1–10.
16. Карпов, Ю.В. Образ города и перспективы развития городской застройки Саратова // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. №1. С.244–251.
17. К вопросу об организационных структурах общественного контроля // Юридический мир. – №8. – С.47–49.
18. Киричек, Е.В. Общественный контроль в России: некоторые теоретико-методологические особенности и проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №9. – С.43–46.
19. Ковалева, Т.Н. Социальные факторы дегуманизации современного городского пространства // Общество: философия, история, культура. – 2014. – №2. – С.17–19.
20. Левчук П.Н. Вопросы достижения политической стабильности в условиях функционирования городских коалиций роста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – №15(158). – С.180–185.
21. Львов, С.В. Социология и власть: механизм учета общественного мнения при принятии управленческих решений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – №2(132). – С.225–229.
22. Лютова, С.Н. Основы психологии и коммуникативной компетенции: курс лекций. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 268 с.
23. Майборода, В.А. Публичные слушания в земельном праве // Российская юстиция. – 2014. – №11. –
24. Макаренков, Е.В. Развитие мегаполиса: общественное участие как политическая проблема // Власть. – 2014. – №12. – С.74–78.
25. Мезенцев, С.Д. Современное градостроительство: должное и сущее, идеалы и реальность // Вестник МГСУ. – 2010. – №4–3. – С.389–393.
26. Моргенштерн, О., фон Нейман, Дж. Теория игр и экономическое поведение. – М.: Книга по требованию, 2012. – 708 с.
27. Попова, О.В. Опасность социальных конфликтов в сознании жителей мегаполиса (2008–2011 годы) // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2012. – №4. – С.78–89.
28. Робер, М., Тильман, Ф. Психология индивида и группы. – М.: Прогресс, 1999. – 256 с.

29. Рысаева, Ю.С., Белоногов, В.А. Экологические ограничения хозяйственной деятельности как источник градостроительных конфликтов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Естественные науки. – 2008. – №4. – С.107–113.
30. Самарин, А.В., Шадрин, А.В. Городские конфликты: пространство решений // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – №2. – С.24–29.
31. Сафарова, М.Д. Практика применения института публичных слушаний в градорегулировании // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – №9. – С.21–35; №10. – С.52–58.
32. Социальная конфликтология / Н.П. Дедов, А.В. Морозов, Е.Г. Сорокина, Т.Ф. Сулова. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 336 с.
33. Тыканова, Е.В., Хохлова, А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – №2. – С.241–256.
34. Тыканова, Е.В., Хохлова, А.М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. – 2014. – №2. – С.104–122.
35. Тюльканов, С.Л., Никитина, И.Б., Геворкова, К.В. Проблемы применения законодательства о медиации при организации и проведении процедуры медиации // Современное право. – 2016. – №7. – С.98–110.
36. Хекхаузен, Х., Мотивация и деятельность. – СПб.: Смысл, 2006. – 860 с.
37. Юханова, Э.Т. Современные проблемы градостроительной политики в Нижнем Новгороде // Власть. – 2014. – №6. – С.55–58.
38. Raab, J. Using Consensus Building to Improve Utility Regulation. Washington, D.C.: American Council for and Energy Efficient Economy, 1994.
39. Susskind, L.E., Ozawa, C. Mediated Negotiations in the Public Sector // American Behavioral Scientist. – 1983. – 27. No. 2. – P. 255–279.
40. Берсенева, А. Многоэтажная дача под снос // Официальный сайт информационного портала «Газета.ру». Доступ: <https://www.gazeta.ru/social/2013/03/28/5119845.shtml> (проверено 18.12.2017).
41. В 2016 году достроено 59 жилых домов от «СУ–155» // Официальный сайт Сетевого издания агломерации «Большая Москва». Доступ: http://b-m.info/realty/v_2016_godu_dostroeno_59_zhilykh_domov_ot_su_155/ (проверено 18.12.2017).
42. Глазычев, В.Л. Семь шагов к городу будущего // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ:

- <http://conflictmanagement.ru/sem-shagov-k-gorodu-budushhego> (проверено 18.12.2017).
43. Градостроительные конфликты. Беседа с руководителем лаборатории РосНИПИ Урбанистики Е. Черновой // Официальный сайт строительного портала «Stroyplus.ru». Доступ: <http://stroyplus.ru/sgkh/2011-sgh/123-fevral-2011/43141/> (проверено 18.12.2017 года).
 44. Градостроительный конфликт как способ оздоровления города // Официальный сайт «Новой газеты во Владивостоке». Доступ: <http://novayagazeta-vlad.ru/243/Obshchestvo/GradostroitelniiKonfliktkakSposobOzdorovleniyaGoroda> (проверено 18.12.2017 года).
 45. Дискуссия о градостроительных конфликтах // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/diskussiya-o-gradostroitelniih-konfliktah> (проверено 18.12.2017).
 46. Егорцев, А. Лосиноостровский «майдан» // Официальный сайт портала «Православие и мир». Доступ: <http://www.pravmir.ru/losinoostrovskiy-maydan/> (проверено 18.12.2017).
 47. Жители Коньково и Теплого стана возражают против строительства гостиницы // Официальный сайт управы района «Коньково» города Москвы. Доступ: <http://konkovo.mos.ru/presscenter/news/detail/2164287.html> (проверено 18.12.2017).
 48. Иванов, О.Б. Исторические памятники как объекты социальных конфликтов // Официальный сайт сетевого издания «Гражданские силы.ру» Доступ: http://gr-sily.ru/obshchestvo/istoricheskie-pamyatniki-kak-ob-ekty-social-nyh-konfliktov-22145.html?_utl_t=fb (проверено 18.12.2017 года).
 49. Иванов, О.Б. Как построить город и не нажить врагов: пособие для градостроителя // Официальный сайт издательского дома «Строительная орбита». Доступ: <http://www.stroyorbite.ru/index.php/item/4509-kak-postroit-gorod-i-ne-nazhit-vragov-posobie-dlya-gradostroitelya> (проверено 18.12.2017).
 50. Иванов, О.Б. Мэрия Москвы: достучаться до «небес» // Официальный сайт сетевого издания «Гражданские силы.ру» Доступ: <http://gr-sily.ru/obshchestvo/meriya-moskvy-dostuchat-sya-do-nebes-21966.html> (проверено 18.12.2017 года).
 51. Интервью с Л.Н. Цой на тематику градостроительных конфликтов // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/gradostroitelnye-konflikty-3> (проверено 18.12.2017).
 52. Мальцев, В. Храмострой увяз в «Торфянке» // Официальный сайт «Независимой газеты». Доступ: http://www.ng.ru/facts/2015-07-01/1_templates.html (проверено 18.12.2017).

53. Масалков, И.К. Команда социологов в зоне городского конфликта // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/konfliktnye-situacii-pri-realizacii-gradostroitelnykh-proektov> (проверено 18.12.2017).
54. Митрополит Рязанский и Михайловский Марк сделал заявление относительно ситуации с храмом на «Торфянке» // Официальный сайт портала «Православие.ru». Доступ: <http://www.pravoslavie.ru/96399.html> (проверено 18.12.2017).
55. Петренко, В. На даче сносят 60 квартир // Официальный сайт информационного портала «Газета.ru». Доступ: <https://www.gazeta.ru/social/2012/08/02/4707985.shtml> (проверено 18.12.2017).
56. Суд признал «Группу компаний СУ–155» банкротом // Официальный сайт делового информационного агентства РБК. Доступ: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/570fc1329a7947b00c640648> (проверено 18.12.2017).
57. Фрейдин, Е. Градостроительная деятельность в конфликтном обществе: трансформация традиционной модели // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/transformaciya-tradicionnoj-modeli> (проверено 18.12.2017).
58. Цой, Л.Н. Заказчики на развитие города и изменений городской среды // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/zakazchiki-na-razvitie-goroda-i-izmenenij-gorodskoj-sredy> (проверено 18.12.2017).
59. Чернова, Е.Б. Конфликтологические разработки в территориальном планировании // Официальный сайт Московской школы конфликтологии. Доступ: <http://conflictmanagement.ru/konfliktologicheskie-razrabotki-v-territorialnom-planirovanii> (проверено 18.12.2017).
60. Lefebvre H. Le droit a la ville// Collection Societe et Urbanisme. – Paris, Anthropos, 1968)
Медведев И., «Разрешение городских конфликтов», М. «Инфотропик Медиа», 2017.
61. Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни/ Пер. А. Калинина. – М.: Территория будущего, 2011.
62. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 82,93.)
63. Быков Д., Гужева Н., Соколов Д., Савицкая В. «Скверное противостояние», «Собеседник» №18, 2019
64. Журавлев С. Корпоративное право на город //BRICS Business Magazine. http://bricsmagazine.com/ru/articles/26_skolkovo_ru
65. ФЗ№93 «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран-участников форума “Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество” в 2012 году, о развитии города Владиво-

стока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»

66. ФЗ №59 Федеральный закон N 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации»
67. Павлов А.В.»Локальные городские сообщества в социальных сетях: между соседской и гражданской коммуникацией» Лабиринт №5, 2016
68. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011.
69. «Петербург разрушают мастера культуры?» журналистка Татьяна Вольтская (<https://www.severreal.org/a/30393510.html>).
Использованы материалы интернет-изданий: www.takiedela.ru,
www.fontanka.ru, www.paperpaper.ru, www.rusrep.ru,
www.kommersant.ru и др.

Авторы

Олег Борисович Иванов

Конфликтолог, медиатор. Специализируется на урегулировании социальных и бизнес конфликтов.

Является руководителем Центра урегулирования социальных конфликтов, председателем Коллегии медиаторов при Торгово-промышленной палате Московской области. Заслуженный юрист Московской области.

Автор более 30 научно-исследовательских работ по политологии, социологии, конфликтологии, медиации, по конституционному и муниципальному праву. Публикуется в научных журналах «Власть», «Урбанистика», «Социодинамика», «Политика и Общество» и т.д.

Регулярно выступает с лекциями и мастер-классами по конфликтологии и медиации для студентов РАНХиГС, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Академии социального управления (г. Москва) и ряда других учебных заведений. Проводит тренинги по урегулированию городских конфликтов, в частности, для участников программы «100 городских лидеров», организованной Агентством стратегических инициатив (АСИ) совместно с госкорпорацией «Росатом». Принимает активное участие в научно-практических конференциях, посвященных актуальным проблемам современного общества.

Яэль Ильински

Конфликтолог, медиатор.

Исполнительный директор Центра урегулирования социальных конфликтов.

Регулярно выступает с мастер-классами и тренингами по конфликтологии и медиации, в том числе, для участников программы «100 городских лидеров», организованной Агентством стратегических инициатив (АСИ) совместно с госкорпорацией «Росатом».

О.Б. Иванов, Я. Ильински

ГОРОД КАК КОНФЛИКТ

Учебное пособие

Подписано в печать 23.03.2020.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>

